

0 - 779270

На правах рукописи

Яковлев Виталий Юрьевич

**ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ОСНОВАНИЯ
НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ**

Специальность 09.00.01 – Онтология и теория познания

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Киров – 2009

Работа выполнена на кафедре философии в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Костромской государственной технологической академии»

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Останина Ольга Александровна

доктор философских наук, профессор
Поросенков Сергей Владимирович

доктор философских наук, профессор
Прохоров Михаил Михайлович

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Нижегородский государственный педагогический университет»

Защита состоится 25 декабря 2009 г. в 12:00 на заседании диссертационного совета Д 212.041.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора философских наук, доктора культурологии при ГОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет» по адресу: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26, ауд. 104.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет» по адресу: г. Киров, ул. К. Либкнехта, д. 89.

Текст автореферата размещен на официальном сайте ГОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет»: <http://www.vshu.kirov.ru>

Автореферат разослан « 6 » октября 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Н. И. Поспелова

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000642631

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Центральной темой, вокруг которой концентрируется данное исследование, является проблема ценностно-смысловых предпосылок научного познания, которые задают «горизонт» теоретической деятельности ученого. Как саркастически заметил М. Планк: «Великая научная идея редко внедряется путем постепенного убеждения и обращения своих противников, редко бывает, что „Саул становится Павлом“. В действительности дело происходит так, что противники постепенно вымирают, а растущее поколение с самого начала осваивается с новой идеей»¹. Такая оценка роли ценностных установок научного сознания может показаться излишне категоричной, однако в ней заключена фундаментальная философская проблема специфической «априорности» познавательной деятельности ученого, который, действуя рационально, может оставаться «глухим» к аргументам и теоретическим доводам своих оппонентов, если они расходятся с его мировоззренческими представлениями о действительности.

Потребность в рефлексии оснований научного познания возникает всякий раз, когда в структуре познавательной деятельности и мышления происходят радикальные изменения, ставящие под сомнение укоренившиеся методологические идеалы и образы научности. Новая предметность, открываемая современной нелинейной, «постнеклассической» наукой (термин В.С. Степина), вызывает необходимость пересмотра классических идеалов научного мышления, концептуального переосмысления философского понятия науки. Вместе с тем сегодня проблема оснований научного познания имеет не только сугубо теоретическое, но и практическое значение, поскольку вопрос стоит не только о науке, но и о метафизических основаниях самой современной культуры, в которой наука и техника являются определяющими факторами жизнедеятельности человека.

Острота проблемы заключается в том, что тип рациональности, который зародился в эпоху античности, сформировался в европейской культуре в эпоху модерна, сегодня переживает кризис смысловых оснований. Интерес к проблеме вызван беспокойством за судьбы современной цивилизации, глобальными антропогенными, экологическими и гуманитарными проблемами, следствием которых является потеря смысложизненных ориентаций.

Трансформация духовных, экзистенциальных приоритетов современной культуры обуславливает поиск новых форм разумности и рациональности, которые в межкультурном диалоге способствуют изменению аксиологических стандартов и ориентиров деятельности, включая сферу научного познания. В таком качестве проблема ценностно-смысловых оснований научного познания предстает как мировоззренческая по существу поднимаемых вопросов, предполагающая рефлексию определенного отношения человека к действительности в специфической форме общественно сознания – науке.

¹ Планк М. Происхождение научных идей // Избранные труды. М.: Наука, 1975. С. 594.

Степень разработанности проблемы

Проблема оснований человеческого разума и рационального мышления в истории европейской философской мысли является традиционной. В древнегреческой философии (Сократ, Платон, Аристотель и др.) были заложены основы рефлексии предпосылок истинного знания (*episteme*) в отличие от субъективного мнения (*doxa*). В классической философии Нового времени была сформулирована концепция универсального разума как адекватного средства познания всеобщего на основе принципов тождества бытия и мышления.

Акцентируя внимание на роли предпосылок мышления, философский рационализм исходил из врожденности (Р. Декарт) и априорности (И. Кант) оснований знания, оставив в стороне вопрос об их генезисе и происхождении. При этом, несмотря на «родимые пятна» трансцендентализма, кантовский подход можно определить как методологически значимый для проблематизации оснований научного познания. В отличие от эмпирической (Дж. Локк, Д. Юм) и рационалистической (Р. Декарт, Г. Лейбниц) традиции в теории познания он указывал, во-первых, на конструирующую деятельность разума в процессе познания всеобщего, во-вторых, на то обстоятельство, что в деятельности теоретического разума обнаруживается более фундаментальное основание – практический разум.

В концепции М. Вебера рациональность в широком смысле (религиозная, экономическая, политическая, научная) начинает осмысливаться как системное свойство самой культуры, основной ее принцип. Осознание культурно-мировоззренческой обусловленности мышления привело к признанию историчности разума, а вместе с этим и релятивности критериев научности.

Значительный вклад в осмысление поставленной проблемы внесли феноменологические исследования Э. Гуссерля, работы представителей «философии жизни» (А. Бергсон, В. Дильтей, О. Шпенглер), экзистенциальной философии (С. Кьеркегор, М. Бубер, М. Хайдеггер, К. Ясперс), увидевших в развитии европейской культуры симптомы трансформации высоких идеалов эпохи Просвещения в объектно-ориентированную инструментальную рациональность.

Идея рефлексии рациональности в широком контексте культуры, восходящая к работам Р. Коллингвуда, в социально-философских исследованиях была определяющей в философии франкфуртской школы (М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Э. Фромм, Ю. Хабермас и др.), где речь шла уже не об элиминации, а о «легализации» мировоззренческих установок как фундамента деятельности дискурсивного мышления.

Осмысление социокультурной детерминации научного познания стало характерной чертой «исторической школы» в западной философии науки (Дж. Агасси, М. Вартофский, Т. Кун, И. Лакатос, С. Тулмин, П. Фейерабенд, Н. Хэнсон), где возникло понимание необходимости преодоления плоского кумулятивизма в экспликации моделей роста научного знания и исследования оснований науки в широком социальном контексте.

В аналитической философии вопрос о предпосылках познания обсуждался не столько в рамках эпистемологии, сколько в контексте философии языка. Проблематизация смысла знания получила иное метафизическое содержание:

как проблема значения (Г. Фреге, Б. Рассел, Л. Витгенштейн, С. Крипке, Х. Пат-нэм и др.).

Существенное влияние на тематизацию проблемы оснований научного познания оказали «лингвистический поворот», феноменологическая программа философии науки, философская герменевтика, постструктурализм, постмодернизм, которые актуализировали философский статус понятий «языка», «текста», «контекста», «коммуникации», «дискурсивной практики» науки. Однако в самой теории познания понятия «смысл», «ценность», «понимание» как выражение духовно-практического освоения мира не были встроены в систему категорий и принципов эпистемологического анализа, оставаясь на периферии философского исследования науки.

Данное положение, разумеется, не означает, что научная мысль вовсе не проявила интереса к исследованию поставленной проблемы. В отечественной философской литературе разработке проблемы оснований научного познания способствует достигнутый теоретический уровень в понимании социально-практической природы познания, значительно расширивший представления о механизмах смыслообразования, предпосылках и детерминирующих факторах развития науки. Многие существенные аспекты этих проблем нашли обстоятельное освещение в трудах Н.С. Автономовой, И.С. Алексеева, Г.Н. Волкова, Д.М. Гвишиани, А.М. Дорожкина, В.Г. Горохова, Б.С. Грязнова, А.А. Ивина, В.В. Ильина, С.А. Лебедева, В.А. Лекторского, Р.С. Карпинской, И.Т. Касавина, П.В. Копнина, А.Н. Кочергина, А.К. Кудрина, Б.Г. Кузнецова, Г.М. Нажмудинова, А.Л. Никифорова, Е.А. Мамчур, Л.А. Микешинной, В.В. Миронова, В.Н. Поруса, Б.И. Пружинина, А.И. Ракитова, Е.Я. Режабека, Н.И. Родного, М.А. Розова, В.М. Розина, З.А. Сокулер, В.С. Степина, В.Г. Федотовой, В.С. Швырева, Г.П. Щедровицкого, Б.Г. Юдина, В.Ф. Юлова, чьи философские работы дали стимулы к размышлениям, воплотившимся в данном исследовании.

Природа и сущность мировоззренческого сознания, его функции и эпистемологический статус, условия формирования и генезиса активно и целенаправленно исследовались в работах А.Г. Ашманиса, А.Б. Бальсиса, И.Я. Лойфмана, В.С. Овчинникова, Т.И. Ойзермана, А.Г. Спиркина, Г.Л. Тульчинского, П.Н. Федосеева, В.Ф. Черноволенко, В.И. Шинкарука. Исследования этих авторов закладывают фундамент для изучения структуры и роли культурно-мировоззренческих оснований научного познания, которые являются междисциплинарными по своему концептуальному содержанию. Последовательная реализация «десятилетнего» принципа в эпистемологии предполагает включение в предмет исследования наряду с собственно научной деятельностью и те вненаучные предпосылки, на основе которых она конституируется как феномен культуры.

Однако адекватное решение проблемы в культурологическом аспекте сопряжено с определенными трудностями. Во-первых, это относится к исходному понятию культуры, играющему в работе роль методологического и теоретического начала. В философской литературе представлено множество весьма пестрых о ней представлений. Причем дискуссии ведутся не столько относительно

дефиниций, сколько в трактовке сущности понятия культуры. Во-вторых, проблема смыслообразования научного познания как феномена культуры в семантическом, аксиологическом, прагматическом контексте еще только становится предметом специального анализа. С учетом данного положения гносеологический анализ проблемы осмысления научного познания следует дополнить философско-культурологическим, аксиологическим, семиотическим, что представляет собой относительно новую сферу исследования, которая еще не получила в литературе достаточно развернутого освещения.

В историко-философских исследованиях, в работах по истории науки и культуры, социологии знания положено начало обсуждению вопросов осмысления научного познания в культурно-мировоззренческом контексте определенной эпохи. Среди них работы Л.М. Баткина, В.С. Библера, М.А. Булатова, П.П. Гайденко, А.Я. Гуревича, А.Ф. Зотова, Л. М. Косаревой, Б.Г. Кузнецова, А.Ф. Лосева, Ю.М. Лотмана, И.Д. Рожанского, В.Л. Рабиновича, в которых была зафиксирована имманентная связь логики теоретического мышления и нормативно-ценностной семантики культуры. Принципиальное значение для эпистемологии получает концептуализация «культурной онтологии» научного разума, феноменологического измерения научного мышления (Л.М. Косарева, Л.А. Маркова, Л.А. Микешина, Н.М. Смирнова, З.А. Сокулер, И.Т. Касавин, Е.Г. Трубина, В.Г. Федотова, В.А. Лекторский, М.К. Петров, Ю.М. Резник, В.П. Филатов).

Современная теория познания, проблематизируя предпосылки научной рациональности, вобрала в себя своеобразную серию методологических «поворотов» в рефлексии науки (лингвистический, семиотический, культурологический, феноменологический, структуралистский, постмодернистский, гуманитарный), которые повлияли на способы тематизации поставленной проблемы.

Воздействие структуралистской и постмодернистской программы исследования оснований науки анализируется в работах Р. Барта, Ж.-Ф. Лиотара, П. Рикера, Х. Уайта, Р. Шартье, Н.С. Автономовой, В.П. Визгина, И.П. Ильина, Н.В. Мотрошиловой, В.Н. Поруса, Б.И. Пружинина, Г.Л. Тульчинского, С.В. Никитина, показавших зависимость научных репрезентаций реальности от знаковой природы «означающего» (языка науки).

Феноменологический аспект смыслообразования стимулировал исследование «жизненного мира» как предпосылки научного сознания. основоположники «понимающей социологии» (А. Шюц, Ч. Кули, Г. Гарфинкель, Б. Вальденфельс) показали, что «формы жизни» объективно влияют на все стороны исследовательской деятельности, включая выбор научной теории.

В конструктивистской парадигме знания (Ф.Р. Анкерсмит, П. Бурдьё, Р. Барт, Г. Иггерс, Ж.-Ф. Лиотар, П. Рикер, Е.Г. Трубина) тематизируется эпистемологический статус повествовательных структур в научном познании, нарративная логика в семантическом контексте научного языка.

Проблема понимания является фундаментальной для философской герменевтики (В. Дильтей, М. Хайдеггер, Г. Гадамер, П. Рикер, Ю. Хабермас), которая от теории истолкования текстов подошла к онтологическим параметрам понимающего бытия человека. «Онтологический поворот» в интерпретации

понимания (М. Хайдеггер, Г. Гадамер) показал значимость процедур понимания для эпистемологии. Вместе с тем, наработав солидный методологический инструментарий теоретического осмысления этих процедур, герменевтика ограничилась в традиции баденской школы неокантианства (В. Виндельбанд, Г. Риккерт) его применением к гуманитарной области знания, оставляя вне поля зрения процедуры понимания в естественных науках.

В лингвистическом повороте философской проблематики в аналитической традиции логическая семантика, берущая начало в работах Г. Фреге, Л. Витгенштейна, Р. Карнапа, Б. Рассела, Дж. Остина, А. Черча, соотносила решение проблемы с теорией референции. В ситуации социокультурного измерения науки это становится недостаточным для понимания механизма осмысления научного знания, так как в структуре научных описаний происходит неявное приписывание социокультурных коннотаций, смысл которых традиционно элиминировался в программе критики научного языка в аналитической философии. Ограниченность данной программы в теории познания проявилась в игнорировании эпистемологической значимости ценностно-смысловых презумпций субъекта как необходимого условия возможности научного суждения в интрасубъективном, коммуникативном измерении научного познания. Философский анализ этих сторон познавательной деятельности становится значимым и востребованным, так как в релятивистской интерпретации научного знания в работах постаналитической философской традиции (Д. Беал, Д. Дэвидсон, Х. Патнэм, П. Стросон, Х. Филд) понятие истины девальвируется (дефляционная теория).

Проблемная область исследования

Осмысление оснований человеческого разума относится к традиционной философской проблематике, которая исторически в эпистемологии получала различную теоретическую интерпретацию. Классическая наука и философия сформировались на принципах картезианской программы противопоставления объективного содержания знания и субъективных предпосылок его производства. Объективистские установки новоевропейской науки выносили понятие смысла и ценности за пределы научной рефлексии, так как в структуре описания объективных процессов субъективные цели и ценности выглядели как анахронизм аристотелевской телеологии. Объект познания интерпретировался как асоциальный, внеисторичный, ценностно-нейтральный, а научная картина мира предполагала репрезентацию реальности самой по себе вне «жизненного мира» человека.

Понятие «ценностно-смысловых оснований научного познания» оказалось «нелегитимным» в эпистемологической проблематике, ориентированной на одностороннее обоснование знания с позиций соответствия фактам эмпирического опыта, получившей свое эксплицитное воплощение в позитивистской философии (О.Конт, Г. Спенсер, Э.Мах, М. Шлик, Р. Карнап и др.). В такой концепции репрезентация как знаковая деятельность субъекта по представлению реальности «прозрачна», непроблематична, непосредственно дана субъекту познания с позиций неявного допущения, что факты эмпирического опыта «говорят» сами за себя.

Однако реальная практика научного исследования никогда не начинается с непосредственного обобщения фактов или постулирования гипотез: объекты репрезентации не обладают собственным смыслом. Он конституируется в деятельности в коммуникативной сопричастности со смыслами Другого в процессе интерпретации, кодирования и декодирования знаково-символического универсума культуры. Позитивизм элиминирует всю эту проблематику, интерпретируя познавательный процесс как приватный процесс деятельности одного субъекта, пользующегося универсальным, аксиологически нейтральным языком, редуцированным к функции обозначения идей или понятий.

Изучение процедур осмысления реальности в научном познании предполагает выход в социокультурный горизонт миропонимания. Таким образом, мир человека (культура) из второстепенного «фона» научного исследования становится необходимым условием производства научного знания, вследствие чего меняется само направление поиска детерминирующих факторов науки. Человек познает мир лишь в той мере, в какой способен его освоить, очеловечить и воссоздать в формах собственной деятельности, где «объективное» бытие становится частью бытия человека. Характеризуя целостный процесс «опредмечивания» и «распредмечивания» социального опыта познания, категория культуры становится в эпистемологии объяснительным принципом рефлексии науки в онтологической (культурно-исторической) размерности человека и аксиологически освоенной действительности.

Обращение к понятию культуры позволяет проблематизировать предпосылки мышления, определяющие основания «несомненного» и «очевидного» опыта понимания реальности, осмысленной и «очеловеченной» в специализированной деятельности научного познания. В таком измерении наука предстает не только в качестве системы знания об объективной и субъективной реальности, но и как способ экзистенции (бытия) человека, духовно-практического освоения мира. Включение этих модусов познавательной деятельности в предмет эпистемологии ведет к расширению рамок философской рефлексии науки.

Исследование оснований научного познания, как правило, сводилось к тематизации логико-методологических «результатов» деятельности научного мышления. При этом вне поля зрения исследователей оставался вопрос о механизмах духовно-практического «освоения» действительности, опосредующих «процесс» познания на субъективном уровне. Базисным принципом современной эпистемологии становится необходимость «вернуть» человека в структуры производства научного знания, то есть сформулировать концептуальную схему познавательной деятельности, в которой определены контуры осмысления знания в контексте культуры, превращающие логику формальных понятий науки в характеристику социального бытия человека.

С учетом этого тематизация проблемного поля исследования ценностно-смысловых предпосылок научного познания в эпистемологическом отношении требует специального пояснения. Структура культурных стереотипов сознания в виде самоочевидного смысла ориентирует и направляет когнитивную деятельность, но не осознается явным образом в логических формах мышления. Самоочевидное осмысление, как «понятное без понятия», представляет объект

так, будто он может быть описан без рационально проработанного концепта, представлен без «означающего» в непосредственном перцептивном опыте восприятия. В традиционной когнитивной ситуации субъект не рефлексировал по поводу того, что объект конституируется в структурах смыслополагающей деятельности сознания, имплицитно полагая, что в процессе познания описывает свойства реальности самой по себе в «чистом» виде. Однако «очевидно» осмысленный порядок вещей отнюдь не является («естественным»), так как предполагает *выбор* на основе определенного миропонимания, разрешение одних возможностей за счет других, формирование ценностной позиции, которая в свою очередь является концептуальной картиной реальности, предписывающей *смысл* фактам и событиям эмпирического опыта.

За очевидностью процедур смыслообразования скрывается «бытийная» размерность человека, пространство его экзистенциального «присутствия» (М. Хайдеггер) в мире культурно-исторического опыта деятельности и коммуникации. В контексте этого опыта объект естествознания также как и объект «наук о духе» включен в герменевтический круг социокультурных интерпретаций, конфликт которых является необходимым условием развития научного познания.

Неопозитивистская философия науки (А. Айер, М. Шлик, Р. Карнап и др.), заявляющая о естественности фактов и самоочевидности верификации эмпирического опыта, фактически говорит о «беспредпосылочности» научной теории, утверждает наличие эпистемических сущностей, представленных значениями научного языка в качестве сущностей самого бытия, достоверных в своей фактичности, понимаемых «естественным» образом без рефлексии.

С позиций данной программы исследования науки предмет естествознания, в отличие от предмета гуманитарного знания, не имеет аксиологического смысла. Осмысление как специфическая процедура в деятельности мышления соотносилось с гуманитарным знанием. Предполагалось, что естествознание свободно от духовно-практической процедуры «понимания», ибо предметом точных наук являются природные процессы, требующие дедуктивно-номологического «объяснения» путем подведения частного под общий научный закон. Естественные науки *непосредственно* оперируют объектами, гуманитарные – *опосредованы* текстами, которые выражают смысл, заложенный в них автором. Формой постижения объектов естествознания является *монолог*, в гуманитарном познании – *диалог* (людей и культур), который эксплицируется в процедурах понимания. В такой парадигме объективное содержание знания не зависит ни от человека, ни от человечества. Научное познание трактуется как репрезентация «реальности», вне опосредующей деятельности субъективного освоения действительности.

Перечень указанных стереотипов в понимании природы научного знания можно продолжить. Однако нам важно предварительно подчеркнуть, что субъект в естественных науках не является трансцендентально-потусторонним, «со стороны» наблюдающим за действительностью. В познавательной сфере он необходимо включается в процедуры социальной коммуникации, вынужден интерпретировать интерпретированное в семиотической форме сущее, находясь в

определенном мировоззренческом отношении к действительности, которое является предпосылкой когнитивного отношения. Беспредпосылочной, аксиологически нейтральной научной теории не существует, любое научное суждение неявно опирается на ценностно-смысловые презумпции, вне которых теоретические утверждения о действительности нелегитимны и невозможны.

Противоположной методологической установкой является парадигма «социального конструктивизма», определяющая когнитивные процессы как результат символического коммуникативного взаимодействия, а результат этого процесса как «культурный артефакт». Метафора «конструкция» указывает на то, из чего формируется «верование» в репрезентацию «объективной реальности». Такая концепция характерна для конструктивистской теории К. Дж. Джерджена, Р. Харре, присуща критике «больших нарративов» в философии постмодернизма (Ж. Деррида, Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Делез, Ф. Гваттари). Несмотря на содержательное различие этих концепций, общим для них является положение, что знание как знаково-символический феномен культуры превращается в «пустой знак», элемент «сетей» социальной коммуникации, не затрагивающий самой объективной реальности. В постмодернистской философии науки, как и в программе «социального конструктивизма», процедура репрезентации реальности в познавательной деятельности становится проблематичной. В лингвистическом повороте философских проблем язык оказался не способным «говорить» о действительности. В методологии плюральности контекстов смыслообразования знание превратилось в «симулякр» (Ж. Бодрийяр), систему взаимоотражающихся смыслов и знаков. В постмодернистской «деконструкции» (Ж. Деррида) «логоцентричной» рациональности понятие истины помещается в ситуацию «круга» интерпретаций. Эпистемологическим выводом такой критики становится принцип отрицания объективного содержания научно-го знания.

Таким образом, можно выделить два противоположных подхода в понимании культурно-семиотических предпосылок научного познания. Обе программы исследования в своей абсолютизации отдельных сторон познавательной деятельности уязвимы, и в этом смысле далеки от реального процесса развития науки. Вместе с тем контрверза «реализм – конструктивизм» далеко не тривиальна, так как напоминает о себе как проблема оснований научной рациональности, если истинное *описание* фактов и ценностно-смысловое *предписание* субъекта в структуре научного познания отрывается друг от друга или абсолютизируется.

В познавательной деятельности выбор фактов и теорий не только сообщает некоторую нетривиальную информацию о предмете исследования, но и выражает определенную оценку восприятия действительности. Устанавливая и теоретически объясняя факты, субъект интерпретирует, сообщает дополнительную информацию о социальном контексте производства знания. В эпистемологическом отношении осмысление реальности выражает неустранимое духовно-практическое конструирование, так как представление о мире никогда не бывает всеобщим.

При всей системности научной картины мира она всегда неизбежно является постулированием недообоснованного, фрагментарного, неполного знания. Субъект познания «трансцендирует», поскольку снимает это противоречие, однозначно «опредмечивая» часть человеческого опыта познания в установках миропонимания. С учетом этого теория познания должна обсуждаться не только с позиций рефлексии логико-методологических схем обоснования знания, но и по отношению к актам понимания культурного концепта знания, который традиционно обладает очевидностью без рефлексии.

В основу нашего исследования положено прагматическое понимание научного познания, в котором понятие о реальности осмысливается субъектом познания через знаково-символический универсум культуры. В такой перспективе референция не обладает смыслом сама по себе, а фундаментально зависит от культурно-исторического опыта говорящего и слушающего субъектов, понимающих объект в определенном интерсубъективном контексте. При этом *означающее* и *означаемое* в структуре языка научного познания так когерентно переплетены, что реальность, репрезентируемая знаковой системой культуры, воспринимается субъектом традиционно как незнаковая сущность, то есть осознается вне текстовой, семиотической формы существования знания.

Рефлексия предпосылок научного познания указывает на невозможность описания объекта «непосредственно» и независимо от духовно-практических процедур осмысления, так как имплицитно выражает не только то, что «есть» в предмете познания, но и что «должно» быть с позиций социального субъекта. Тематизация этих «непрозрачных» для субъекта оснований понимания знания, открывает перед эпистемологией новую перспективную сферу анализа.

Объектом исследования выступает культура научного познания как нормативная система регуляции познавательной деятельности.

Предметом исследования являются ценностно-смысловые основания научного познания в контексте перехода от классической парадигмы науки к современному постнеклассическому ее пониманию.

Цель исследования – философско-методологический анализ мировоззренческих оснований культурной детерминации научного познания, определение механизма осмысления знания как духовно-практического освоения действительности и социального бытия человека.

Гипотеза исследования основана на том, что система образов теоретического мышления опосредована культурно-исторической установкой миропонимания, в структуре которой предмет научного познания изначально всегда герменевтическим образом интерпретирован, наделен человеческим культурным смыслом, имеющим в коммуникативной корреляции со смыслами Другого эпистемологическое значение. Определение знания как *осмысленного* предполагает предварительное представление о мире, лежащем за любым логическим суждением или понятием, указывая на опосредующую роль коммуникативных смыслов жизнедеятельности человека в структуре научного сознания.

В исходной концептуальной схеме познавательного процесса вместо одностороннего *монолога* в субъект-объектном отношении мы должны зафиксировать опосредующее это отношение *диалогическое* субъект-субъектное взаи-

модействие, которое является основанием познавательного отношения. Мировоззренческое осмысление в такой схеме предстает как фактор, выражающий целостность научного познания в органической связи «внутренних» и «внешних» детерминант его развития, а познавательный процесс конституируется как *социальная деятельность*, теснейшим образом связанная с системой жизнедеятельности исторического субъекта.

Задачи исследования. Для достижения поставленной цели и доказательства гипотезы необходимо решить следующие промежуточные задачи:

- проанализировать генезис проблемы оснований научной рациональности в эпистемологии и философии науки, провести критический анализ состояния изученности проблемы;
- исследовать трансформацию образов научности в социокультурном контексте осмысления действительности; эксплицировать исторические типы научной рациональности;
- на основе анализа существующих концепций определить методологическое значение понятия культуры в исследовании поставленной проблемы;
- выяснить эпистемологические функции концепта мировоззрения как фактора культурно-исторической детерминации научного познания;
- проанализировать структуру научного суждения в единстве смыслообразования и понимания знания;
- дать авторскую трактовку природы ценностного отношения в структуре научного познания, показать дополнительность когнитивного и ценностного суждения в структуре научного познания;
- выяснить методологическое значение аксиологической «нагруженности» фактов, теорий и методов научного исследования; проанализировать диалектику взаимосвязи истины и ценностей научного познания;
- эксплицировать принцип культурно-мировоззренческой рефлексии научного познания в качестве средства объективации знания и его ориентации на гуманистические ценности культуры.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Научное познание основывается на культурно-значимых семантических очевидностях, не доказываемых в рамках научной теории, без которых невозможно никакое научное высказывание. Как бы ни увеличивался объем достоверного знания, творческое применение накопленной в нем информации необходимо опосредованно мировоззренческими предпосылками осмысления действительности, герменевтическим кругом понимания. Современная эпистемология проблематизирует семиозис «самоочевидности» смысла познавательного опыта субъекта, делает востребованной рефлексию процедур смыслообразования в философии и методологии научного исследования.

С позиций авторского подхода в исследовании оснований науки семиотические предпосылки познания рассматриваются не в отвлечении от аксиологической регуляции мышления, а в их взаимосвязи, не в абстрагировании от субъективно-деятельностного его содержания, а в человечески «значимом» измерении знания. В отличие от данного метода в структурно-функциональном социологическом анализе науки нормативное регулирование знания сводится к

конвенциональному согласию. В итоге ценностно-смысловая детерминация познавательной деятельности редуцируется к конвенционально-коммуникативному отношению, которое на практике является ее следствием.

2. В философии и методологии науки процедуры осмысления и понимания традиционно соотносились с социально-гуманитарным знанием, предполагалось, что естественно-научные области знания свободны от этой специфической духовной процедуры. Однако в естественно-научной сфере знания предмет исследования не может восприниматься «непосредственно», независимо от духовно-практических процедур осмысления и трансляции культурно-значимой информации, реализующейся в семиотических и герменевтических процессах *означения и понимания*.

3. Ценностно-смысловые предпосылки научного мышления выступают сущностной характеристикой целенаправленной мотивированности выбора в деятельности научного сознания, объект которого всегда необходимо аксиологически «значимый» для субъекта. При этом в направленности научного сознания выделяются два вектора интенциональности: дескриптивное истинное описание (с модусом того, что «*есть*» в мире), и деонтическое ценностное суждение (с модусом того, что «*должно быть*») с позиций «значимого» представления субъекта о предмете. Указанные различия имеют методологическое значение, так как являются средством экспликации актов деятельности научного сознания и описания процессов их конструирования. Научные схемы, идеализации и формализмы *вторичны* в том отношении, что они являются когнитивными конструктами на основе практических культурных концептов *первичного* порядка, используемых в социокультурной жизнедеятельности человека.

4. Познавательная деятельность субъекта основывается на семантических презумпциях, которые мы определяем понятием «культурный концепт». Данное понятие обладает эпистемологическим статусом и может функционировать в качестве философско-методологического средства, эксплицирующего социокультурную «онтологию» науки. В структуре научного познания данное понятие выполняет семиотическую, конституирующую, аксиологическую, мировоззренческую, креативную, рефлексивную, стилеобразующую, нарративную, прагматическую функцию. Культурные концепты являются необходимым основанием научного познания, при этом сами, как несомненная самоочевидность вещей, остаются для традиционного субъекта познания вне методологической рефлексии. За очевидностью процедур смыслообразования скрывается социально-культурная размерность субъекта познания, действующая в качестве априорной предпосылки познавательного опыта.

5. Объект, с которым субъект познания феноменологически «имеет дело», не является сугубо «естественным» предметом или «самоочевидным» положением дел. Реальность дана субъекту через *текст* – знаково-символический универсум культуры, *значения и смысл* которого понимаются и творятся в герменевтической «спирали» смыслообразования в коммуникации с другими людьми в процессе научного познания. Эпистемологическая новизна такого подхода заключается в том, что объект и метод научного познания, независимо от его природы являются семиотической системой, а значит к естествознанию

необходимо и возможно приложение методов, применяемых традиционно к гуманитарным феноменам наук о культуре, семиотическая сущность которых признана и не вызывает сомнений. В такой постановке вопроса снимается традиционное противопоставление наук о природе и наук о культуре, так как естественная природа является для субъекта познания таким же знаковым феноменом, как и сотворенная человеком культура. Несемиотических объектов наука не знает, поэтому неправомерно разделять предметную сферу научного познания на культурные феномены, являющиеся объектом семиотического дискурса, и на несемиотические объекты естествознания.

6. Референция любого научного высказывания фундаментально опирается на культурные концепты, несомненные в своей самоочевидности и достоверности, так как чтобы рационально мыслить и сомневаться в чем-либо некогда достоверном, определенные высказывания в логике научного познания должны быть несомненными. Логико-дедуктивные выводы неизбежно держатся на ценностно-смысловых презумпциях, эпистемический статус которых становится понятным, когда прагматические правила научного дискурса трансформируются или нарушаются.

7. Научное мышление не укладывается в «прокрустово ложе» логико-дедуктивных высказываний, неполных в том отношении, что они опираются на культурные концепты, трансцендентальные по отношению к любому логическому высказыванию, обосновать которые средствами самих логических систем невозможно. Как показывает историческая реконструкция смыслообразования научного познания, просто помыслить и представить себе объект познания в системе логических схематизаций невозможно. Необходимы содержательные предпосылки социокультурного порядка, которые задают априорный метаязык научного исследования, и лишь в этом мировоззренческом контексте объект обретает феноменологическую очевидность для субъекта познания.

8. Семиотическая морфология научного познания включает систему норм, регулирующих процесс познания, составляющих его деонтическую основу, совокупность ценностей, характеризующих отношение субъекта к реальности, что делает научное суждение аксиологически маркированным, даже если оно оценивается нейтрально.

9. Любое научное утверждение является одновременно объектно-ориентированным денотативным описанием фактов, которое в терминах корреспондентной теории истины может быть истинным или ложным, и деонтически-предписательным высказыванием, к которому применим тезис об аксиологической «нагруженности» исследуемых фактов и событий. В отличие от денотативных описаний, ценностно-смысловые суждения не говорят нейтрально о положении вещей. Посредством этих высказываний субъект конституирует мировоззренческий *смысл* знания, осуществляет духовно-практический выбор, задающий логическое пространство деятельности научного мышления, семиотически конституирует реальность, определяя, как следует *понимать* значения научного языка. Эпистемологическая функция ценностно-смыслового суждения заключена в определении социальных «координат» научного мышления, включении когнитивного суждения в границы культурного текста, в практическую

ситуацию в системе коммуникативных отношений бытия-с-Другим в семиотическом поле культуры.

10. Теоретически объясняя факты, субъект познания интерпретирует, сообщает дополнительную информацию о социальном контексте производства научного знания. При этом предметом интерпретации является не столько текст, как «означающее», сколько экстралингвистическая социальная практика научного познания. Субъект описывает объект из определенной мировоззренческой перспективы, поэтому категоричное разделение истинного и ценностного высказывания провести невозможно. Научное познание предполагает неявную предпосылку суждений о «должном». Это значит, что демаркационные линии между эпистемическим и социальным субъектом являются достаточно условной фикцией позитивистской философии и человеческое измерение неустранимо из науки.

Объект познания не может быть познан «внешним» наблюдателем, а предполагает включение ценностно-смысловых установок субъекта в предмет методологической рефлексии, так как способность «знать» и передавать культурно-значимую информацию неотделима от практической способности «понять» диалогический смысл знания в коммуникативных отношениях с Другим. Таким образом, ценности и смыслы социального опыта познания перестают быть тем досадным антропоморфным «образом пещеры» (Ф. Бэкон), от которого должно быть очищено научное знание в методологической рефлексии, а принцип объективности научного познания обретает аксиологическое, гуманитарное, постнеклассическое значение.

11. В теории познания долгое время предполагалось, что в языке науки (суждениях о фактах, теориях, методах) существуют описания, которые не являются ценностными, и утверждения, в которых ценностное высказывание выражено эксплицитно. Однако свободных от ценностей научных суждений не существует. Дескриптивные суждения научного языка имплицитно содержат неявную ценностно-смысловую, прагматическую составляющую в единстве предметного, семиотического и ценностного компонента мировоззренческого осмысления действительности. Любое научное объяснение фундировано ценностно-смысловым суждением, основанным на мировоззренческой социокультурной установке. Научные описания становятся «истинным» объяснением, «научной» картиной реальности в системе отношений, в которых объяснения и описания наделяются определенным предикатом – *смыслом* «истинных» описаний.

12. Ценностные суждения научного языка не являются ложными или истинными в терминах корреспондентной концепции истины. В отличие от референтных высказываний, указывающих на объект, ценностные (прескриптивные) суждения говорят о субъекте в контексте прагматической ситуации познания. Научный дискурс в коммуникативном отношении вписан в социокультурную ситуацию, организуясь по принципу *со*-общения, как определенного нарративного (повествовательного) отношения, в котором необходимо находятся Адресант (автор), Адресат (аудитория) и диалогические отношения между ними.

Мировоззренческий нарратив научного высказывания традиционно не рефлексивируется, обнаруживая себя в ситуации, когда неявные правила научного дискурса нарушаются, а смысл референтного научного суждения становится непонятным. Определение научного познания как ценностно-осмысленного нарратива снимает контроверзу дилеммы «объяснения – понимания» в научном исследовании, так как научные дискуссии ведутся не по поводу нейтрального описания «голых» фактов, а по поводу ценностно-осмысленных их интерпретаций.

Научная новизна исследования

- В нормативной системе научного познания эксплицированы радикальные изменения, связанные с трансформацией ценностной установки научного мышления и переходом от объективистской парадигмы к проектно-конструктивному пониманию науки как феномена культуры.

- Проведен анализ эпистемологического статуса ценностно-смысловых оснований научного познания как междисциплинарной области рефлексии знания с позиций аксиологического «поворота» в эпистемологии и методологии науки.

- С позиций комплексного философско-эпистемологического подхода научная рациональность представлена как специализированная форма отношения к действительности, система ценностных установок культуры и способ социального бытия человека, в контексте которого знание осмысливается сквозь призму определенного миропонимания, выполняющего функцию нормативного регулятора процесса познания.

- В структуре научного суждения субъекта выявлена семантическая составляющая, неявно фундированная целостной социокультурной установкой осмысления знания как культурного концепта, который является неустранимой предпосылкой объективации знания, его субъективного понимания и практического использования. Показано, что когнитивное содержание и логико-дедуктивное обоснование научного знания с необходимостью предполагают неявные ценностные суждения, включают мировоззренческий смысл, интегрирующий знание в контекст социокультурного герменевтического понимания.

- Обоснована необходимость учета в трактовке смысла научного суждения не только предметного значения (референции в терминах аналитической философии языка), но и мировоззренческого коннотативного значения научного высказывания, которое определяется в работе понятием «культурного концепта», ставящего референцию в зависимость от фонда знаний субъекта, прагматической ситуации познавательного опыта в семиотическом контексте культуры.

- В деятельности научного мышления выделены две базовые ориентации – *когнитивная* (дескриптивная) и *аксиологическая* (прескриптивная) интенциональность сознания субъекта. Такое разграничение фиксирует различие между двумя типами суждения: истинным высказыванием о предмете с презумпцией «*есть*», в котором мысль соотносится с предметом познания, и деонтическим, ценностным суждением с презумпцией «*должен*», в котором объект

(референция научного высказывания) соотносится с определенным нормативным представлением, играющем в эпистемической ситуации роль значимого социального стандарта.

- Эксплицирована логическая модель когнитивных и деонтических суждений, которые предлагается описывать на основе принципа дополнительности. Доказана эпистемическая значимость актов смыслообразования и понимания не только в сфере социально-гуманитарных дисциплин, но и универсальность этих процедур для естественно-научных сфер познания.

- Установлена аналитическая зависимость между рефлексией культурного концепта знания и онтологизацией научной картины мира. В эпистемической ситуации, где культурный смысл объекта познания не проблематизируется, семиотическая специфика «означающего» в натуралистической установке науки остается вне рефлексии, а объект познания онтологизируется – реальность мыслится вне семиотической формы ее репрезентации.

- В контексте мировоззренческих оснований научного познания выделены и проанализированы дискуссии в современной эпистемологии по проблеме «универсализма – релятивизма», «реализма – конструктивизма» научной рациональности, произведена методологическая оценка дихотомии «социального конструктивизма» и «наивного реализма», показаны возможности и границы данных стратегий и методологических программ. Установлены эпистемологическая значимость конструктивной методологии и ограниченность радикального «социального конструктивизма» в понимании природы науки, в котором знание не соприкасается с реальностью, оставаясь «чистым» культурным артефактом.

- Доказана ограниченность классического понимания принципа объективности знания с позиций «аксиологического поворота» в методологическом самосознании современной науки. Показано, что характерное для классической эпистемологии противопоставление ценностей и истины как взаимоисключающих модусов знания переосмысливается в постнеклассической рациональности науки с позиций их когерентного взаимодействия.

- Конкретизирован эпистемологический статус ценностно-смысловых установок научного познания в контексте перехода от классической парадигмы науки к современному постнеклассическому ее пониманию, проанализированы способы объективации мировоззренческих предпосылок знания и ее методологическое значение.

- Установлено, что с позиций смены эпистемических принципов междисциплинарное научное исследование, затрагивающее сущность и существование человека, предполагает явную и методологически проработанную гуманитарную рефлексию знания, экспликацию мировоззренческих презумпций в содержании научного исследования.

Методологической основой исследования являются принципы социально-практической обусловленности познания, активности субъекта познания, культурно-исторической конкретности истины. Базой для разработки основных теоретических положений работы послужили исследования по теории и исто-

рии культуры, философии языка, эпистемологии и социологии познания, истории науки, историко-философские и логико-методологические исследования. Теоретические достижения данных направлений привели к пониманию того, что проблема социокультурной детерминации познания предполагает экспликацию доминирующих когнитивных установок и дискурсивных практик науки в структуре культурной традиции, определяющей специфику научной рациональности в общекультурном диалоге.

В решении этой проблемы сугубо гносеологическая схема анализа оказалась недостаточной, необходимы были новаторские приемы комплексной междисциплинарной программы исследования проблемы ценностно-смысловых оснований науки. В контексте этой установки методологической основой работы явились принципы системного подхода, методы историко-компаративного анализа культуры научного мышления, элементы феноменологической методологии, философской герменевтики, культурной и логической семантики, семиотики, философской теории текста и дискурса, идеи экзистенциальной философии бытия в мире человека, методы философско-культурологического анализа, социологии знания, семиотического исследования научного познания.

Теоретическая и практическая значимость исследования

На основе конкретного анализа в работе обосновывается и формулируется принцип культурно-мировоззренческой рефлексии знания, который, характеризуя генетическую связь деятельности научного мышления с культурно-историческими формами активности исторического субъекта, способствует более глубокому пониманию ее сущности как феномена культуры. В конкретном выражении содержание данного принципа выступает в качестве эффективного методологического средства описания целостных процессов динамики научного знания в единой системе «внешних» и «внутренних» детерминант его развития, что позволяет избежать крайностей «интернализма – экстернализма», относительной обособленности логико-методологического и социологического подходов в анализе закономерностей роста научного знания.

Значение такого подхода заключается в том, что современная теория познания призвана преодолеть натурализм в осмыслении научных формализмов описания реальности, ориентируя на неустранимость культурного концепта, опосредующего понимание научного знания в социальном контексте его производства. Философское осмысление места и роли мировоззренческих оснований научно-познавательной деятельности и включение данных предпосылок в предмет методологической рефлексии позволяет зафиксировать неявные мировоззренческие установки науки, открывает новые возможности для гуманитарного осмысления научного знания.

Проведенное исследование позволяет обосновать эпистемологический статус культурного концепта знания как методологической программы и междисциплинарного подхода в исследовании знания в его человеческом измерении. Исследование корреляции когнитивных и ценностных факторов научного познания вырабатывает новую интерпретацию понятий научной рациональности, знания, истины, предполагая осмысление не только конечного результата объективации всеобщего, но и культурно-мировоззренческого генезиса этих

представлений, изменяя отношение к содержанию знания, которое с необходимостью включает в себя ценностно-смысловой компонент.

Теоретические выводы представленной работы могут найти применение в междисциплинарном исследовании по теории и истории культуры, социологии и психологии познания, аксиологии, антропологии и других социальных дисциплинах, направленных на постижение человеческого измерения науки. В системе образования полученные материалы могут быть положены в основу курсов по онтологии и теории познания, истории и философии науки, культурологии, социологии знания и философии культуры.

Апробация работы

Основные положения и результаты исследования докладывались на международных научно-теоретических конференциях в Костромском государственном технологическом университете, Костромском государственном университете им. Н.А. Некрасова; IX международной научной конференции «Ильенковские чтения – 2007» (26–27 апреля 2007 г. в Южном федеральном университете г. Ростов н/Д); V международной научно-практической конференции «Общечеловеческое и национальное в философии» (24–25 мая 2007 г. в Кыргызском славянском университете г. Бишкек); VI международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы гуманитарных наук» (15–16 мая 2007 г. в Московской финансово-юридической академии); международной научной конференции в Киевском национальном университете (18–19 мая 2007 г.); международной научной конференции «Наследие Мамардашвили и европейско-российский культурно-исторический контекст» г. Пермь (20–22 апреля 2007 г.) и других научных симпозиумах.

Структура диссертации

Исследование состоит из введения, шести глав основного текста, заключения и библиографического списка используемой литературы, содержащего 604 наименования. Объем диссертации 398 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновываются актуальность темы исследования, степень ее научной разработанности, определяются объект, предмет, цели и задачи исследования, его методологическая основа, характеризуется научная новизна полученных результатов, теоретическая и практическая значимость.

Глава 1 «ОСНОВАНИЯ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ КАК ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА» посвящена определению основных концепций в понимании природы научной рациональности в историко-философской традиции.

В параграфе 1.1 «Генезис проблемы оснований научной рациональности в эпистемологии» рассматривается историческая ретроспектива тематизации предпосылок научного мышления, которая в современной философии осмысливается как проблема научной рациональности, получившей в литерату-

ре различные модели теоретической экспликации (Р. Карнап, К. Поппер, Т. Кун, Л. Лаудан, К. Хюбнер, В. Ньютон-Смит, Х. Патнэм др.). С учетом этого автор обращается не к формальной дефиниции концепта рациональности, а к уяснению философской логики в проблематизации предпосылок теоретического мышления в эпистемологии.

Этому посвящен раздел 1.1.1 «Проблема оснований научного мышления в классической философской традиции», где исследуется кантовская интерпретация вопроса, в которой в основе *теоретического* разума обнаруживается более фундаментальное основание – *практический* разум, являющийся основой смыслообразования в познавательной сфере. В концепции Г. Гегеля деятельность мышления предстает как диалектический процесс в историческом измерении мышления, которое, однако, было основательно мистифицировано и представлено как саморазвитие формально-логических принципов абсолютной идеи. Принцип историзма в концептуализации теоретического разума был в дальнейшем переосмыслен в философии жизни, неокантианстве, феноменологии, экзистенциализме.

Раздел 1.1.2 «Научная рациональность в постпозитивистской и аналитической философии» содержит анализ дискуссий в логическом позитивизме, в критическом рационализме К. Поппера, в исторической школе философии науки постпозитивистской ориентации. В «стандартной модели» философии науки в традиции логического эмпиризма (М. Шлик, О. Нейрат, Р. Карнап, Г. Рейхенбах, Ф. Вейсман, Г. Фейгль и др.) длительное время господствовала идея «демаркации» науки и метафизики, целью которой было очищение научного языка от ценностных высказываний. Историческая школа постпозитивистской ориентации философии науки (Т. Кун, И. Лакатос, С. Тулмин, П. Фейерабенд и др.), пришла к растворению границ «демаркации» знания от вненаучных установок мышления, признала ограниченность такого подхода, предполагая трактовку относительности критериев научности в контексте роста научного знания. Однако при этом сама рациональность науки становится проблематичной.

В лингвистическом повороте, наметившемся в аналитической философской традиции, происходит отказ от традиционной гносеологической концепции осмысления оснований знания и тематизация значений *языка* науки в качестве основного объекта проблематизации. Первоначально язык осмысливается как источник когнитивных проблем (Б. Рассел, М. Шлик), в дальнейшем программа «очищения» языка науки трансформируется в прагматическую концепцию теории референции («поздний» Л. Витгенштейн, У. Куайн, Дж. Остин). В соответствии с ней главное внимание было направлено на экспликацию прагматики языка науки, по отношению к которой репрезентативная и когнитивная функция языка стала функционально зависимой. При этом вопрос о механизмах ценностно-смысловой регуляции научного познания в аналитической философской традиции остался открытым.

В разделе 1.1.3 «Рациональность в социально-экзистенциальных философских концепциях» анализируются альтернативные программы исследования рациональности науки (М. Вебер, О. Шпенглер, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Г. Гадамер), в которых осмысливаются социально-культурные основания разу-

ма. В отличие от логико-гносеологической программы *cogito* М. Хайдеггер постулирует онтологическую программу осмысления природы рациональности, в которой мысль и бытие не противостоят друг другу как две противоположные субстанции, а являются выражением «присутствия» (бытия) человека в мире. В эпистемологии был поднят вопрос о соотношении научного разума с вненаучными формами рациональности: мифом, опытом «повседневности». Традиция осмысления оснований рациональности в социально-ориентированной теории познания подводит к более широкой парадигме рациональности, осмысленной в контексте проблематизации ее бытийных оснований в контексте культуры.

В данном разделе подводятся итоги философской дискуссии по проблеме научной рациональности, поставившей под сомнение классический образ науки и как сугубо гносеологический проект и как культурную ценность. Выводы автора исходят из того, что рациональность присуща человеку, а не науке как таковой, представляющей одну из форм рациональности, наряду с другими формами ее проявления. Вненаучные формы рациональности воплощают собой не альтернативы, а проявления универсальной рациональности, как стороны единого разума человека, ни одна из граней которого не может выступать в качестве эталона рациональности как таковой. В научной рациональности проявляется культурно-исторический способ отношения к действительности, реализующийся в специализированной форме духовного производства (науке), поэтому сама проблема должна обсуждаться не только на основе рефлексии методологических схем обоснования знания, но и по отношению к актам его осмысления как феномена культуры.

В параграфе 1.2 «Рациональность науки и культура» эксплицируется природа научной рациональности как способ культурного освоения мира и бытия человека. Научная рациональность характеризуется как форма духовно-практического освоения действительности, в котором когнитивное и ценностное отношение предполагают и дополняют друг друга (раздел 1.2.1). В структуре этого отношения объект познания предстает как ценностно-смысловая система, подлежащая пониманию и интерпретации, и только в этом семиотическом качестве предстает в качестве предмета исследовательской деятельности.

Автор обосновывает положение о том, что дилемма «универсализм» – «историзм» («абсолютизм» – «релятивизм») в понимании критериев научности в философии науки постпозитивистской ориентации имеет принципиальное значение для понимания природы научной рациональности, так как в этой дихотомии методологическое и ценностно-смысловое измерение науки абсолютизируется и противопоставляется друг другу. При этом, ошибочно упускается, что научное мышление, обладает одновременно методологической и аксиологической перспективой, является когнитивно-ценностным единством осмысления знания в формах социального бытия человека. Научная рациональность – это не частная логико-гносеологическая проблема, а форма мироотношения человека, познающего мир по меркам его практического и духовного освоения в контексте культуры.

В разделе 1.2.2 «Проблема культурной детерминации научного познания», исследуется вопрос о социокультурной обусловленности науки, который

в современной эпистемологии получил различные версии экспликации. С одной стороны (К. Поппер, Л. Лаудан, В. Ньютон-Смит), признается, что социокультурные факторы, как некий «фон» влияют на когнитивные процедуры, однако определяющее детерминирующее воздействие на научный проект оказывают сугубо когнитивные процессы. С другой (Т. Кун, Д. Дэвидсон и др.), утверждается, что без проблематизации социокультурных установок нельзя понять не только *внешнюю*, но и *внутреннюю* историю науки. При этом, однако, признание социокультурной детерминации научной теории стало основой для утверждения релятивизма в эпистемологии (П. Фейерабенд, П. Рикер).

Тезис о социальной детерминации научного познания в конце XX в. был усилен сторонниками «сильной программы» социологии знания в трактовке Б. Барнса и Д. Блуря, в концепции науки С. Вулгара и Б. Латюра, социально-конструктивистского подхода К. Кнорр-Цетины и ее сторонников. Эти авторы полагают, что социально-культурные факторы детерминируют не только форму, но и содержание научного знания. Вследствие этого научный проект лишился собственной когнитивной специфики и редуцировался к социальным обстоятельствам порождения знания, что, по мнению диссертанта, существенно упрощает природу научной рациональности.

Проблемный характер социокультурной детерминации научного познания проявился также в дилемме «интернализма – экстернализма», которая отнюдь не тривиальна. Она вновь напоминает о себе не только в форме факторов, определяющих причины роста научного знания, но и в форме разобщенности логико-методического и социологического подходов в исследовании науки. Анализ оснований научного познания в контексте культуры позволяет, по мнению диссертанта, связать «внутреннее» и «внешнее», когнитивное и социальное в структуре научного познания, обнаружить в «определенных» результатах научного знания культурно-историческую форму его осмысления. Императивом современной теории познания становится потребность «включить» человека в эпистемологию, то есть сформулировать концептуальную схему деятельности научного мышления, в которой определены контуры осмысления реальности, соотносящие логику формальных научных понятий с установками социального бытия человека в контексте культуры.

В разделе 1.2.3 «Методологическое значение понятия культуры в эпистемологии» исследуется двухсторонний сдвиг в рефлексии оснований знания: со стороны мировоззренческих предпосылок и семиотического характера культурного концепта знания. В философии и методологии науки понятие «культура» нередко используется для заделки «швов» рациональной реконструкции науки при определении социального «фона» производства знания, развивающегося по своим сугубо логоцентричным законам. Данное положение предполагает анализ сложившихся парадигм понятия культуры для того, чтобы выявить специфику культурологического анализа науки, его эпистемологический статус и методологические возможности.

За основу исследования диссертантом берется семиотическая концепция культуры, в которой знаково-символический универсум не изолирован от общественной практики, а является способом духовно-практического освоения

действительности. В контексте понятия культуры субъект познания не мыслит о свойствах реальности произвольно, а утверждает о ней лишь в контексте определенной онтологии языка с позиций культурно-исторической картины мира, в контексте которой всеобщность знания (истина) не существует вне связи с особенным – мировоззренческой формой его осмысления, имеющей исторический характер.

В главе 2 «КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ НАУЧНОГО МЫШЛЕНИЯ» анализируется трансформация культурной семантики научного познания в историческом контексте его концептуализации.

В параграфе 2.1. «Теоретическое мышление в исторических формах мировоззрения» проводится реконструкция идеалов теоретического знания сквозь призму мировоззренческих установок, норм и деонтических запретов культуры. Раздел посвящен проблеме «начала» науки, уяснению социально-культурных корней, которые способствовали или препятствовали возникновению науки, как специфической формы духовного производства. В экспликации данных процессов не следует ни модернизировать, ни архаизировать понятие науки, описывая генезис теоретического мышления из вненаучных форм культуры. История знания древних цивилизаций в данной части не самоцель, а средство доказательства наличия культурно-мировоззренческих предпосылок теоретического мышления, достоверность и обоснованность которого опирается на определенные модели понимания когнитивного опыта.

В разделе 2.1.1 «Античное понимание смысла знания» исследуется специфика античной «преднауки», интенция которой заключалась не в испытании природы, а в приобщении к «люгоосу». Автор характеризует особенности античного осмысления теоретического знания с присущими для него средствами объяснения и приемами познания. На основе историко-научной реконструкции на материале натурфилософской физики, астрономии, математики, истории сделан вывод, что античная умозрительная «наука» не знала эксперимента в силу ценностно-смысловых *предубеждений*, так как «искусственное» воспроизведение природных процессов в целях подтверждения или опровержения теоретических гипотез было чуждо мирозерцанию древнегреческих мыслителей. Для зарождения экспериментальной науки образ мира должен был радикально переосмыслен, а мир математических формализмов должен стать соразмерным физическому миру вещей, то есть стать «тварным», «профанным», топологически находиться *вне* самоценного одухотворенного космоцентричного универсума. Переход к такой картине мира стал возможен лишь благодаря трансформации образа действительности в средневековом мышлении.

В разделе 2.1.2 «Научное знание в зеркале средневекового миропонимания» анализируются особенности средневековой и ренессансной культуры теоретического знания. Продолжая античные традиции концептуализации всеобщего, средневековое познание основывается на новых мировоззренческих принципах, допускающих «испытание» природы, в котором мышление ориентируется на достижение практических эффектов.

На основании историко-научной реконструкции мировоззренческих установок знания делается вывод, что применение математического инструментария к познанию физических закономерностей было невозможно без трансформации мировоззренческих смыслов античной рациональности в средневековой картине мира. Вне этой переоценки смыслов прорыв к экспериментальной науке Нового времени был невозможен. Теоцентрическая идея творения мира, отделение «духа» человека от космоцентрического «тела» природы, морально-религиозное понимание активности субъекта, принцип тварности природы разрушили сакральное к ней отношение и способствовали, в конечном итоге, ее «испытанию» в экспериментальном методе Нового времени.

В разделе 2.1.3 «Трансформация ценностных ориентаций науки Нового времени» прослеживаются мировоззренческие основания становления экспериментального естествознания. В работе обосновывается тезис о том, что формирование мысленного эксперимента и метода Г. Галилея не было сугубо интерналистским когнитивным процессом. На основе историко-научной реконструкции образов пространства Аристотеля и Галилея автором показано, что в «зеркале» различных картин миропонимания тождественная теоретическая аргументация в понимании динамики инерциальной системы вела к прямо противоположным выводам.

Формирование экспериментального естествознания не стало простым результатом «непосредственного» обращения к опытным данным или отказом от предрассудков схоластики в духе громкого заявления И. Ньютона: «Гипотез... не измышляю». Напротив, методологические идеалы и нормы новоевропейской науки основывались на мировоззренческом «горизонте» культуры принципиально нового типа понимания знания на базе целостной социокультурной установки осмысления действительности, вне которой были принципиально нелегитимны и невозможны.

В параграфе 2.2 «Динамика ценностных ориентаций научной рациональности» проводится сравнительный анализ смены мировоззренческих императивов, идеалов научного познания и, одновременно, смены культурной традиции в методологическом самосознании науки.

Классическая рациональность науки характеризуется в работе как культурно-исторический тип осмысления идеалов и принципов научного познания, преобладавших в XVII – начале XX вв., когда произошел революционный переворот в методологическом самосознании науки. Определяющими теоретико-познавательными принципами классики, получившими значение мировоззренческой парадигмы, стали: объективизм; натуралистическая установка – стремление объяснить сущность объекта в его «естественной» достоверности; наивно-реалистическая презумпция знания, представленного вне культурного концепта его существования; аксиологическая «нейтральность» научного знания; фундаментализм теоретического обоснования; монистическое понимание истины; кумулятивное понимание процессов роста знания; механицизм, как редукционистская программа сведения сложного объекта к сумме составляющих его простых элементов; сциентизм в оценке мировоззренческого статуса научного знания.

Нормы и ценности *неклассической научной рациональности* исследуются в связи с изменениями в методологическом самосознании науки, связанными с открытиями в квантово-релятивистской физике: ревизия объективизма; осмысление зависимости картины реальности от средств познавательной деятельности и позиции наблюдателя; принцип дополнителности в признании методологической значимости альтернативных концептуальных моделей реальности; теоретико-методологический плюрализм; повышение роли философии в методологической рефлексии знания.

Автор доказывает, что, критикуя нормы и ценности классической науки, неклассическая рациональность не отвергает их полностью. Общим парадигмальным наследием обоих типов научной рациональности является натуралистическое отношение к объекту естествознания, который мыслится как ценностно-нейтральный, лишенный культурно-значимого смысла. В системе «знание – реальность» экспликация ценностей научного мышления в контексте связей с ценностями социального бытия человека остается вне методологической рефлексии.

Становление *постнеклассического типа научной рациональности* фундируется качественно новыми идеалами и принципами познания, в основе которых лежит синергетическая концепция, переход к нелинейной науке, акцентирующей внимание на динамической неравновесности хаоса и порядка; поворот от изучения сложившегося бытия к тематизации его «становления»; новое осмысление времени, случайности и причинности; принцип универсального эволюционизма; утверждение целостной научной картины мира; интеграция методологии естественных и гуманитарных наук; коммуникативная диалогичность научной рациональности; аксиологический поворот в методологическом самосознании постнеклассической науки.

Метафизический статус феномена постнеклассической рациональности одновременно реализуется во встречном движении синергетической программы (И. Пригожин, И. Стенгерс, Г. Хакен, С. Курдюмов), представляющей методологию естественно-научного знания, и концепции философского постмодернизма (Р. Барт, Ж. Батай, Ж. Бодрийяр, Ж. Делез, Ф. Гваттари, Ж. Деррида, Ю. Кристева и др.), воплощающего гуманитарную программу методологической рефлексии. Постнеклассическая научная рациональность раздвигает рамки рефлексии познавательной деятельности, включает человека в научную картину мира, ориентирует на экспликацию ценностей социального бытия человека, которые оцениваются как необходимое условие достоверного научного знания.

В главе 3 **«МИРОВОЗЗРЕНИЕ КАК ЦЕЛОСТНЫЙ СПОСОБ ОСМЫСЛЕНИЯ»** рассматриваются проблемы, затрагивающие эпистемологический статус мировоззренческого сознания как социокультурной предпосылки научного познания.

Параграф 3.1 «Место мировоззрения в системе культуры» определяет природу дорефлексивного опыта миропонимания, предшествующего субъект-объектному отношению. В разделе *3.1.1* «Философская тематизация концепта мировоззрения» показана ограниченность и разобщенность сугубо гносеологического и социологического подхода к мировоззренческому сознанию. Автор

доказывает, что предмет мировоззрения – отношение человека к освоенной им духовно-практическим образом «значимой» действительности, то есть к миру культуры, которая находится в центре мировоззрения. Это означает, что гносеологический и социологический анализ проблематизации мировоззрения как основополагающие во всей полноте могут реализоваться только сквозь призму философско-культурологического подхода и в данном значении от него зависят. В работе показано, что семиотическое содержание смыслов миропонимания постигается не проблематизируясь, как *предрассудки*, на основании которых человек действует, не осознавая предпосылок своего мировосприятия. Отражая диалектику общего и единичного, мировоззрение личности является моментом, стороной общего – культурно-исторического «горизонта» понимания действительности.

В разделе 3.1.2 «Мировоззренческие а priori научного мышления» характеризуется онтология познавательной деятельности, укорененной в культуре в контексте герменевтической традиции осмысления реальности. Любое научное суждение неявно фундировано ценностно-смысловыми презумпциями, вне которых высказывания научного языка не только не легитимны, но и не возможны. В очевидности смыслообразования проявляется социально-культурная онтология субъекта, «историческое а priori» (М. Фуко), «присутствие» человека в мире (М. Хайдеггер), которое действует подобно специфической эпистемологической установке. Мировоззренческий опыт, как «предпонимание», «предрассудок» (Г. Гадамер), «доксическое верование» (Х. Ортега-и-Гассет), является не столько когнитивным образом, сколько способом бытия познающего. До методологической рефлексии знания мир «естественного» и «очевидного» опыта субъекта познания уже изначально интерпретирован на языке семантики культурного опыта, осваиваемого в процессе социализации.

Семиотическое содержание смыслов мировоззрения воспринимается не проблематизируясь, человек действует, не осознавая предпосылок своего понимания, полагая, что в процессе познания описывает свойства реальности самой по себе вне культурного концепта осмысления действительности. В классической теории познания эпистемологическая значимость ценностно-смысловых презумпций субъекта научного познания игнорировалась. Диссертантом обосновывается, что императивом современной эпистемологии и методологии науки является требование четкой и явной экспликации мировоззренческих допущений научного сознания, которые в глазах традиционного мышления понятны без понятия – обладают очевидностью без доказательств. С учетом этого необходимо расширение проблемного поля теории познания сквозь призму методологического принципа культурно-мировоззренческой рефлексии научного познания.

В разделе 3.1.3 «Язык как горизонт миропонимания» анализируется дискурсивная лингвистическая среда, в которой реализуется понимание. Ученый не говорит о реальности произвольно, а утверждает лишь то, что *можно* сказать в контексте определенной онтологии языка в системе социальной коммуникации научного дискурса. Знаковая система языка не только обозначает и репрезентирует объект исследования, но и заключает его в концептуальную схему

понимания в контексте языковой «картины мира», в которой мир заключается в определенную модель понимания, трансцендентную по отношению к ситуации познания.

Однако тезис об активной роли языка в формировании картины мира (Б. Уорф, Э. Сепир) отнюдь не означает, что язык «творит» ее как некий демиург. Основанием языковой «картины» реальности является не язык сам по себе, а социальная практика деятельности и познания. Авторский акцент в данном случае делается на том, что мышление, потенциально находящееся под воздействием языка, зависит от социального контекста речи, а не детерминируется глубоко лингвистическими факторами.

Смысл значений научного языка выводится не из внеположенной человеку реальности, а из способов социальной практики употребления языка, в контексте правил, которые задают способ применения языка в контексте социального опыта познания. В этом качестве язык действует как трансцендентальное основание науки: условием возможности любого научного суждения является предпосылочная языковая игра (Л. Витгенштейн) коммуникативного сообщества. Диссертант показывает, что теория речевых актов (Дж. Остин, Дж. Серл) предостерегает от абсолютизации дескриптивных высказываний научного языка и элиминации гуманитарной размерности научного дискурса. Смысл значений дескриптивных предложений определяется ситуационными, экстралингвистическими субпозициями субъектов коммуникации. Вследствие этого нельзя универсально без обращения к прагматике выразить семантику научного языка, интерпретация которого зависит от контекста употребления понятий.

В параграфе 3.2 «Структура мировоззренческих оснований научного познания» исследуется система понятий, призванных эксплицировать механизм формирования научного знания в контексте культурно-исторических предпосылок его производства. Посредующие факторы, выражающие фундаментальные связи мировоззрения и научного сознания представлены такими концептами как категориальная структура мышления, научная картина мира, стиль научного мышления, теоретико-познавательные дисциплинарные онтологии знания, с помощью которых обеспечивается многослойная и полифункциональная связь методологических и социокультурных установок научного познания. В работе показано, что данные структурно-функциональные «посредники» определяют базисные положения научной теории, обуславливают идеалы обоснования, объяснения и доказательства частнонаучного знания, организуют логику научного мышления.

В главе 4 «ПОЗНАНИЕ В ЕДИНСТВЕ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ И ПОНИМАНИЯ» исследуются процессы семиозиса, понимания и интерпретации знания, которые организуют человеческий опыт познания действительно, имеют эпистемологическое значение.

В параграфе 4.1 «Осмысление как духовно-практическая процедура освоения мира и бытия человека» определяется значение и теоретико-познавательный статус осмысления в научном познании. В исследовательской литературе процедуры осмысления и понимания традиционно соотносились с

социально-гуманитарным знанием. Предполагалось, что естественно-научные объекты свободны от данной практически-духовной формы освоения мира.

Методологической установкой современной эпистемологии становится принцип невозможности непосредственного доступа к объекту познания. Метапозиция «внеаходимого» субъекта ставится под сомнение, что проблематизирует существование «естественного» предмета научного исследования, который дан в апперцепции без рефлексии семиотических предпосылок познания. Фундаментальной процедурой когнитивной деятельности являются процессы семиозиса знания, однако теоретико-познавательный статус актов смыслообразования является недостаточно изученной проблемой, смысл как легитимная категория и теория смысла в эпистемологии еще не сложились.

С учетом этого в разделе 4.1.1 «Тематизация смысла в различных философских традициях» проанализированы проблемы концептуализации смысла и процедур осмысления знания в различных концептуальных подходах. Если аналитическая философская традиция ориентировалась на теорию референции (указательного) значения имени знака (слова, выражения, текста), как основания логической семантики, то герменевтическая традиция – на экспликацию процедур понимания.

В отличие от теории референции, концепция смысла в аналитической философской традиции не получила концептуального обоснования. Логическая семантика в аналитической традиции Г. Фреге, А. Тарского, А. Черча, У. Куайна ограничивала решение проблемы референции истинными высказываниями научного языка вне его культурно-исторического измерения. В результате семантика научного утверждения реализуется как логика содержательного объема понятий, *нейтральных* по отношению к мировоззренческим установкам субъекта. В такой тематизации проблемы культурный концепт смысла как опосредующее звено между «словами» и «вещами» выпадает.

В феноменологической концепции смысл определяется как интенциональность – направленность на предмет актов субъективной деятельности сознания. «Ахиллесовой пятой» феноменологической концепции является анализ индивидуального сознания в качестве единственного основания смысла. В реконструкции смыслообразования в деятельности интенциональных актов сознания феноменология отвернулась от процессов осмысления в социально-культурной практике познавательного опыта. Трудности в понимании смысла в аналитической и феноменологической философской традиции подводят к необходимости преодоления ограниченности феноменологизма и «референтного», ассоциального, панлингвистического подхода в понимании смысла.

С учетом этого в разделе 4.1.2 «Социально-практические основания осмысления» анализируется деятельностная, коммуникативная природа семиозиса. Явления действительности обретают смысл путем включения в систему социальной деятельности, в структуре которой знание получает знаковые функции исторически-конкретной общественной практики представления предмета, предполагающего понимание и интерпретацию знаковой формы описания действительности.

Автор доказывает, что семиотические объекты не могут функционировать как квазилингвистические сущности вне *порождающей* знак деятельности, в равной мере невозможно эксплицировать смысл знака как «вещь в себе», вне диалога и коммуникативной корреляции бытия-с-Другим. Несмотря на уникальность личного смысла, он формируется как интенциональная установка в пространстве коммуникативного социального взаимодействия, в котором смысл не установлен трансцендентальным образом, а конструируется вместе с формированием индивидуального смысла без заранее установленных правил.

В разделе 4.1.3 «Дихотомия и соотношение понятий „смысл” и „значение”» исследуются сложные отношения взаимозависимости и категориального наложения терминов смысл и значение. Категория «смысл» трактуется в работе как способ понимания предмета в актуальном контексте коммуникации. «Значение» характеризует объем слова (выражения, текста) в системе языка, то есть средства организации и источники реализации смысла в процессе передачи социального опыта в системе культуры.

Аксиологическое значение предмета, подлежащее пониманию, порождает коннотативный «вторичный» смысл, который выступает по отношению к значению как реализация понимания значения знаковых систем языка в актах коммуникации. Связанный с языком, существующий при помощи языка смысл в системе жизнедеятельности обретает экстралингвистический характер (смысл события, поступка, жеста, молчания и т. д.). Вследствие этого в авторском понимании смысл не сводится к содержанию значения выражения или понятия, а, напротив, устанавливает концептуальный способ понимания текста, который обретает смысл благодаря включенности в коммуникативную ситуацию в системе жизнедеятельности человека.

В разделе 4.1.4 «Текст как объект смысла» эксплицируется семиотический характер смыслообразования познавательной деятельности. В лингвистическом повороте, анализирующем соотношение языка, мира и мышления, эпистемология до недавнего времени не тематизировала проблему текста, значимую не только для социально-гуманитарного знания, но и для понимания природы научного познания. В философском значении термина «текст» речь идет о культурно-историческом содержании знаковой системы языка в семиотическом его измерении. В традиционной когнитивной ситуации субъект акцентирует внимание на том, что репрезентировано в тексте, при этом культурная семантика объекта познания остается «за кадром», не рефлексивируется. В семиотическом отношении научное познание является «вторичным» отражением действительности в силу того, что и предмет, и средства познавательной деятельности не являются «непосредственными» для субъекта, а опосредованы текстом как формой существования знания. Традиционным предрассудком классической науки является тезис о том, что естествознание непосредственно оперирует объектами, лишенными текстовой «упаковки». Однако вне семиотической формы научное знание не мыслится и не существует. Семиотическая структура научного текста многомерна, в ней пересекаются мировоззренческие, когнитивные, коммуникативные, прагматические, нарративные компоненты знания.

В разделе 4.1.5 «Процессуальность смыслообразования» исследуется открытый характер семиозиса. Трактовка текста как *со-бытия* представляет методологический поворот в понимании природы научного знания с наивно-реалистической интерпретации к исследованию его в системе коммуникативного отношения в контексте культуры. В философии постмодернизма понятие «текст» осмысливается как принципиально «децентрированное» образование (Ж. Делез, Ф. Гваттари), интерпретация которого предполагает его «деконструкцию» (Ж. Деррида), плюральность процессов смыслообразования. Семиозис характеризуется как нелинейное, непредсказуемое становление, продукт случайных вариаций дискурса, в которых смысл «производится», а не задан изначально авторским текстом, не является процедурой буквального денотативного «прочтения» (М. Фуко, Р. Барт, Ф. Бодрийяр, Ю. Кристева и др.).

Однако в этом устремлении постмодернизма язык оказался не способен «говорить» о действительности с позиций истины, а трактовка мира как текста предстала как бесконечная интерпретация, в которой знак и «означающее» отсылают к другому знаку, уклоняясь от «обозначаемого» бытия как объекта познания. Ограниченность постмодернистской концепции смысла проявляется в трактовке его в качестве квазилингвистической сущности, где знак и означающее становится единственным источником значений. Основным эпистемологическим тезисом постмодернистской философии становится принцип сомнения в объективном значении знания, которое репрезентирует реальность в зеркале взаимоотражающихся смыслов.

В разделе 4.1.6 «Эпистемологический статус смысла в структуре научного познания» рассматривается методологическая роль процедур осмысления. Любое научное описание предмета можно рассматривать в двух перспективах: как совокупность истинных высказываний о мире и как некоторое повествовательное сообщение, в контексте которого «референту» (объекту описания) приписывается определенное значение. В отличие от данных описательных утверждений, ценностно-смысловые высказывания не констатируют факты, а задают перспективу восприятия реальности, которая сама по себе не структурирована, предписывают, как относиться к описываемым явлениям в системе мировоззренческих «координат» в коммуникативной ситуации познания. Устанавливая и теоретически объясняя факты, субъект аргументирует, сообщает дополнительную информацию о социальном контексте производства научного знания. Недостатком классической теории познания является игнорирование эпистемологической важности процедур семиотической интерпретации в научном дискурсе, однако фактов и теорий в структуре познавательной деятельности, свободных от интерпретации текста, не существует.

Базовым принципом в понимании эпистемологического статуса смысла является отказ от «наивного» реализма в понимании культурной семантики науки, которая не отражает, а создает «лицо» исследуемой реальности путем наделения ее статусом «истинных» описаний. Понимание знания как осмысленного снимает куновскую проблему «несоизмеримости теорий», так как научные споры ведутся не по поводу «самоочевидных» фактов, а по поводу их

мировоззренческой интерпретации, которая задает рамки концептуализации научной теории.

В параграфе 4.2 «Проблема понимания в структуре научного познания» исследуется герменевтическая природа понимания. Эпистемология традиционно игнорировала эту важную процедуру познавательного процесса или ограничивалась ссылками на то, что он является основным для гуманитарных отраслей научного знания: как полагал В. Дильтей, природу человек *объясняет*, а духовную жизнь *понимает*. В такой интерпретации автор доказывает ограниченность ортодоксальной герменевтики, в которой опыт понимания традиционно трактуется в качестве «органона» социально-гуманитарного знания (Г. Риккерт, П. Рикер), чем существенно обедняется действительное содержание этой процедуры в научном мышлении. Изменения в методологическом сознании современной науки, осмысление семиотического характера репрезентаций объекта в языке определяют значимость герменевтических процедур независимо от дисциплинарной принадлежности знания, указывая на их универсальность в познавательном опыте человека.

В разделе 4.2.1 «Принципы понимания как ориентации в смыслах», выделяются промежуточные духовно-практические акты, предполагающие друг друга в герменевтическом круге понимания: определение знаковой природы текста; понимание предметного значения текста в контексте события; интерпретация смысла текста в социальной коммуникации познания; прагматическое воздействие на смысл «Другого».

В качестве предпосылок понимания диссертантом выделяются: 1) культурно-исторический характер предпонимания, 2) язык как культурно-исторический «горизонт» понимания; 3) «реконструкция» авторского и «творение» собственного смысла субъекта в коммуникативной ситуации понимания; 4) герменевтическая «спираль» понимания; 5) «дело» как основа понимания; 6) взаимосвязь познания и самопонимания субъекта. Приступая к научному исследованию, ученый необходимо исходит из предпонимания как определенной концептуализации, в контексте которой предметное высказывание не может быть нейтральным. Понимание реализуется в процедурах интерпретации, конфликт которых является объективным условием понимания.

В разделе 4.2.2 «Интерпретация и понимание» анализируется взаимосвязь и дифференцирование актов интерпретации и понимания, классическое и постмодернистское толкование указанных процедур. В работе эксплицируются отношения зависимости и категориального наложения данных понятий, отличие постмодернистской концепции (Р. Барт, Ж. Делез) от классической герменевтической (В. Дильтей) и структуралистской (К. Леви-Строс) трактовки интерпретации. В постмодернистской парадигме интерпретация становится тотальной, универсальной процедурой мышления, характеризующей внесение смысла в текст вне «правильного» смысла, вложенного в текст автором. Суть новой позиции в принципиальном отходе от идеалов классической рациональности, интерпретирующей текст с позиций трансцендентного субъекта как стороннего наблюдателя. В научном познании интерпретация является универсальным методом установления значений формализмов научной теории как знаковой

системы репрезентации объекта познания, средством истолкования частных теорий со стороны метатеорий, а также пограничных теорий по «вертикали» и по «горизонтالي» междисциплинарного научного знания; формой специфического «перевода» теоретического языка одной теории на язык другой.

В разделе 4.2.3 «Проблема понимания естественных объектов», исследуются герменевтические механизмы осмысления природных явлений, которые в традиционной герменевтике были вне методологической рефлексии. Предполагалось, что понимание феноменов природы суть «образное выражение» (В. Дильтей, Г. Риккерт), так как в качестве специфической процедуры понимание присуще исключительно явлениям культуры. Классическим предрассудком трактовки предмета естественных наук была наивно-реалистическая парадигма, предполагающая семиотическую «прозрачность», беспредпосылочного «схватывания» объекта природы в его естественном состоянии, декларируя независимый образ научного знания, не связанного с культурно-историческими смыслами понимания.

В работе обосновывается, что понимание является универсальной семиотической процедурой познавательной деятельности, затрагивающей существо когнитивного процесса независимо от дисциплинарной принадлежности знания. Понимание объектов природы предполагает практическое «установление» смысла, то есть «подключение» к смыслу человеческой деятельности, подведение под социально-нормированное ценностное суждение, определяющее значение объекта познания.

В разделе 4.2.4 «Эксперимент и теория как модель понимания» доказываются, что естественно-научный эксперимент, традиционно противопоставляющийся процедурам расшифровки смысла авторского текста в гуманитарных науках, имеет с ними много общего. Эксперимент как наделение смыслом объективного процесса и «смыслосчитывающая» процедура обнаружения значения универсальным образом характеризует духовно-практическое освоение предмета познания, понимание которого опирается на семиотические тексты культуры. Подготовка логической схемы эксперимента и его проведение реализуются как «реконструкция» замысла автора и внесение смысла в текст экспериментатором. Диссертантом обосновывается, что понимание действует в данном случае как универсальная методологическая процедура, в структуре которой эксперимент и научная теория характеризуют подведение объекта под нормативное суждение, действующее в качестве предписания, определяющего цели исследования в контексте конкретной ситуации познания. Теорией предписывается, чтобы описываемая ею модель событий совпадала в известных пределах с реальным «положением дел», чтобы истинная дескрипция (описание) не отрывалась от аксиологической прескрипции (предписания).

В разделе 4.2.5 «Объяснение и понимание в структуре научного мышления» исследуется специфика и взаимосвязь объясняющих и понимающих процедур в структуре научного познания. Традиционным «предрассудком» ортодоксальной герменевтики было противопоставление понимания как метода гуманитарного знания объяснению как основной методологической процедуры естественных наук. В методологии логического эмпиризма (К. Гемпель, Р. Кар-

нап) абсолютизируется дедуктивно-номологическая концепция *объяснения* в противопоставлении актам *понимания*. Однако любое научное описание предполагает взаимозависимость данных процедур.

Герменевтические акты понимания, традиционно интерпретируемые как «внешние» для методологического роста научного знания, являются релевантными для объяснительных процедур научного познания. В разделе показано, что дедуктивно-номологическая модель объяснения говорит о конечном *результате*, а не о *процессе* научного объяснения, который носит противоречивый и сложный характер. Объяснительные процедуры обоснования нацелены на соответствие знания объективным свойствам предмета. В противоположность этому понимание выражает не то, что существует само по себе, но то, что «должно» быть с позиций нормативного смысла теории, или, если исходить из более широкой перспективы, с позиций целеполагающей деятельности субъекта познания. В структуре научного мышления понимание предваряет, сопутствует и завершает процедуры объяснения, в чем выражается циклический герменевтический характер понимания.

В параграфе 4.3 «Коммуникативный характер осмысления и понимания» исследуется фундаментальная роль субъект-субъектного отношения в процессе осмысления реальности. Раздел 4.3.1 «Диалогическая сущность понимания» освещает интересующую природу мышления. Диалог – центральный принцип философии М.М. Бахтина, А.А. Мейера, нашедший продолжение в концепции диалога культур В.С. Библера, в теории коммуникативной рациональности К.О. Апеля, Ю. Хабермаса. Диалогические интенции сознания в концепции М. Бубера представляют универсальное явление, пронизывающее речь и все проявления человеческого осмысления мира. Поиск истины изначально является диалогом, а не монологом исследователя самим с собой. Несмотря на то, что мысль каждого индивидуальна, представления о мире принципиально диалогичны по способу своего существования.

С учетом этого «вопрос-ответная схема» осмысления знания, анализируется в связи герменевтическим кругом вопрошания. Познавательная ситуация возникает там, где обнаруживаются вопросы и схватывается противоречие между тем, что «есть» в наличном знании и тем, что противоречит наличному знанию, что «должно быть» возможно иначе, исходя из целостного восприятия проблемной ситуации в более широком контексте понимания. Вопрос – исходный пункт познания (М.М. Бахтин, Г. Гадамер, М. Хайдеггер), это знание о незнании. От вопросов, поставленных исследователем, на которые сама научная теория или эксперимент выступает в роли ответа, зависит осмысленность знания. Вопросно-ответная схема диалога характеризуется автором как существенная черта процедур понимания. Смысл высказывания формируется в вопрос-ответной проблемной коммуникативной ситуации, в структуре которой система «вопрос-ответ» является методологически значимой схемой постановки и решения задач исследовательской деятельности.

В процессе диалогического взаимодействия осуществляется не только субъект-субъектное взаимодействие, но и трансформируется семантика языка, реализуется коннотативно-метафорический перенос значений в качественно

новый контекст смыслообразования. Автор доказывает, что в гуманитарном повороте современной теории познания встают необычные, с точки зрения классической эпистемологии, проблемы тропов (Н.И. Автономова, С.С. Нетерина) – понятий и выражений, используемых в переносном значении не только для достижения большей выразительности высказывания, но и в методологических целях объективации знания.

В семиотическом отношении новая научная теория представляет собой перенос смыслов за счет перестановки известных объяснительных конструкций в герменевтическом круге понимания. Особенно востребованными отстраняющие метафорические процедуры становятся в период кризиса «базиса несомненности» (С.Б. Крымский) в понимании объекта познания в ситуации «научной революции» (Т. Кун). В современной эпистемологии тропы, обозначающие организацию трансформаций смысла научного высказывания, перестают рассматриваться в качестве простой игры слов при перестановке терминов: метафорический перенос смыслов рассматривается как методологическое средство производства нового знания.

В разделе 4.3.2 «Нарративный способ осмысления знания» анализируется повествовательный характер научного дискурса, который по форме организации облекается в форму «рассказа» (story). Понятие нарратива становится предметом заинтересованного изучения в эпистемологии (Ж.-Ф. Лиотар, Р. Рорти), философской лингвистике (А.М. Пятигорский) в связи с общим «лингвистическим поворотом» в философии, ее обращенности к коммуникативной, социокультурной стороне смыслообразования в познавательном процессе. Нарратив является наиболее органичной для человека формой объективации и презентации знания независимо от его дисциплинарной принадлежности.

В практике научного дискурса нарратив является способом придания смысла несвязанным внешне событиям, организующим значения научного языка в единый связный процесс, у которого есть фабула, композиция, постановка проблемы, основное содержание и выводы, без чего осмысление знания практически невозможно. При помощи нарратива происходит отбор фактов и событий в некотором «сюжете», призванном объяснить, *почему* они происходили именно так, а не иначе. Нарратив *упорядочивает, организует, убеждает*, задает модели интерпретации реальности, акцентирует внимание аудитории на одних явлениях и умалчивает о других. В результате неоднородные явления в познавательных целях структурируются в единую познавательную схему, получают смысл и значение в практическом и коммуникативном контексте понимания.

В главе 5 «**ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ОСМЫСЛЕНИЯ ЗНАНИЯ**» исследуется аксиологический поворот в методологическом самосознании науки (параграф 5.1). Классическая наука исходила из презумпции, что получение объективного знания возможно только благодаря элиминации ценностей субъекта, которые классическая эпистемология вывела за пределы методологической рефлексии. Требованием современной научной рациональности является осмысление многосторонней взаимосвязи внутренних ценно-

стей научного познания с внешними ценностями и целями культуры, что предполагает установление эпистемологического статуса ценностных ориентаций.

Параграф 5.2 «Концептуализация ценностей в историко-философской традиции» посвящен анализу философской логики в концептуализации природы ценностей в структуре научного знания. В работе анализируется идеографическая методология гуманитарного знания (В. Виндельбанд, Г. Риккерт), в которой процедуры «отнесения к ценностям» были впервые включены в эпистемологическую проблематику. В философской концепции баденской школы рефлексия ценностей исходит не из субъективистских установок оценивающего индивида, а из объективного бытия ценностей культуры. Однако ценностные основания научного разума в гуманитарной и естественно-научной сфере знания были необоснованно разведены баденцами по предмету и методу научного исследования. Ценностное отношение в такой программе становится противоположностью объективного истинного описания, предполагающего элиминацию ценностей из объяснительных процедур естествознания.

Достоинством веберовского подхода является тезис, что наука (имеется в виду социально-гуманитарная отрасль знания) принципиально не может быть свободной от ценностей, которые входят в исследовательскую практику вместе с мировоззренческими установками субъекта. Ценностные суждения являлись неустранимой трансцендентальной предпосылкой науки, выполняющей в ней регулятивную функцию. Оригинально развивая идеи баденской школы, М. Вебер предложил различать в научном познании *ценности* и их *интерпретацию*, *ценности* и *оценку*: поиск истины должен основываться на освобождении от индивидуальных оценок при объективной обусловленности ценностной интерпретации действительности.

Позитивистская программа элиминации ценностей из языка науки характеризуется идеологией «демаркации» логического эмпиризма (А. Айер, К. Гемпель, Р. Карнап, О. Нагель, Г. Рейхенбах, М. Шлик), в котором образцом научности становятся формально-логические «протокольные предложения». Ценностные высказывания, по словам Р. Карнапа, являются субъективными («установлениями»), которые несовместимы с рациональными осмысленными высказываниями. Критика неопозитивизма с позиций исторической школы в философии науки (Т. Кун, И. Лакатос, С. Тулмин, П. Фейерабенд и др.) способствовала к отказу от идеологии «демаркации» между логико-дедуктивным языком науки системой ценностных предписаний. Стало ясно, что ценности образуют необходимый контекст формирования знания, определяют выбор научной теории, критерии научности, нормы и идеалы познания. Однако в самой программе постпозитивизма не оказалось методологических средств экспликации связи внутренних (методологических) и внешних (социальных) ценностей производства научного знания, которые характеризуются сугубо субъективно-психологическим или интерналистским образом.

С учетом неустранимой аксиологической размерности познавательной деятельности автор выделяет способы включения ценностных установок в структуру научного познания: культурно-исторические ценности, определяющие трансцендентальный «горизонт» науки; методологические ценности, регу-

лирующие процесс научного исследования; социально-коммуникативные ценности познания; ценности научной рациональности по отношению к вненаучным сферам культуры. Требованием современной научной рациональности становится осмысление многосторонней взаимосвязи внутренних ценностей научного знания с внешними ценностями и целями культуры. Рациональная экспликация методологических целей и идеалов научного познания в контексте связи с ценностями человеческого существования является условием развитой методологии и гуманитарной ориентации науки.

Параграф 5.3. «Ценностное отношение в структуре научного познания» посвящен эпистемологическому исследованию природы ценностей в структуре научного познания. В разделе 5.3.1. обосновывается положение, что истинное дескриптивное и ценностное (деонтическое) суждение являются двумя взаимосвязанными «координатами» любого научного высказывания, образующими многочисленные переходные формы, из которых на практике исходит научное мышление.

Автор доказывает, что познавательное и ценностное отношение к объекту дополнительные и противопоставляются лишь силой абстракции. В структуре научно-познавательной деятельности ценности опосредуют репрезентацию объектов действительности, активно преобразуя картину мира на основе принципа *должного*, социально-нормированного отношения к действительности. Теоретическое знание, логика доказательства, нормы наблюдения, правила описания не постулируются сами по себе, а с необходимостью ориентируются на определенные аксиологические критерии. Поэтому отрыв ценностей от истины, аксиологического и гносеологического подхода, объяснения и понимания, практического и теоретического разума представляется неоправданным упрощением реальной сложности познавательной деятельности.

В разделе анализируется интенциональность и предмет ценностного отношения в научном суждении. Ценностное высказывание направлено не на то, что «есть» в предмете познавательного отношения безотносительно к субъекту, а предполагает императив, каким «должен быть» предмет на основании определенных нормативных критериев познания. При всей важности денотативно-познавательного отношения его нельзя считать более значимым, так как оно невозможно без ценностной субпозиции, задающей основания познания. Автор уточняет, что понятие истины не распространяется на ценностные высказывания научного дискурса, так как они не говорят о соответствии высказывания фактам или положению дел, а выражают соответствие социально значимым образцам познавательной деятельности в контексте целей общественной практики. «Объяснения» и «доказательства» реализуются в качестве *истинных* описаний в рамках правил ценностного отношения. В подавляющих случаях ценностное отношение реализуется не эксплицитном виде, а имплицитно, в форме описательно-ценностных суждений, в которых превалирование истинного описания или ценностного предписания зависит от контекста высказывания, поэтому жесткая демаркация между ними невозможна. Исходя из дополнительной истинных и ценностных высказываний, автором ставится вопрос о переходе от узкого гносеологизма в оценке знания в системе методологических схем от-

ношения «знание – реальность» к развернутой его экспликации, дополненной ценностно-смысловыми структурами деятельности научного мышления.

Раздел 5.3.2 «Проблема логического перехода: от „есть” к „должно”» эксплицирует классический императив Д. Юма, запрещающий с помощью логики переход от высказываний о сущем (со связкой «есть») к деонтическим высказываниям (со связкой «должен»). К. Поппер полагал ошибочными любые выводы, если суждения о «должном» обосновываются фактами и наоборот. Автор доказывает, что в реальной ситуации истинные описания объекта и ценностные суждения о нем в «чистом» виде не встречаются. Более достоверными являются утверждения научного языка, в структуре которых ценностные предписания и дескриптивные описания представлены широкой гаммой взаимосвязанных переходов. В современной (постнеклассической) науке бессубъектный образ «нейтрального» знания, независимого от ценностей человеческого существования становится предметом критического переосмысления.

Параграф 5.4 «Социокультурные ценности научного познания» содержит анализ ценностных установлений, не связанных непосредственно с понятиями научной теории: это институты, предполагающие введение норм, правил, знаков, символов, языков и других социальных установлений, которые являются следствием социокультурного и коммуникативного характера познавательной деятельности. В качестве аксиологического стандарта научности может выступать «гвардейская», по выражению А.И. Ракитова, дисциплина научного познания, на стандарты которой ориентируются другие отрасли знания. Не менее сложной когнитивно-ценностной структурой обладают общенаучные принципы, регулирующие процесс познания, система предписаний, организующих научную практику, а также предписаний, относящихся к личности ученого (этнос науки), характеризующих мировоззренческие установки, усвоенные в процессе социализации.

В параграфе 5.5 «Методологические ценности научного познания» исследуются аксиологические установки, постулируемые самой системой теоретического знания. В разделе 5.5.1 «Ценностные суждения о фактах» показано, что основанием научной теории являются не самоочевидные факты, а семантические образы объекта, которые не берутся непосредственно из фактов, а вводятся ценностными постулатами теории. Дискуссии внутри логического эмпиризма, а также в историческом направлении философии науки показали, что концептуально нейтральных высказываний о фактах не существует. Эпистемологический статус фактов определяется в спорах «реализма» и «социального конструктивизма», которые подводят к выводу, что исследование фактов не начинается с «нейтрального» умозрения, восприятие фактов ценностно «нагружено» укорененностью субъекта в мире культурной традиции, задающей горизонт предпонимания реальности, в структуре которого факты естественно-научного эксперимента также герменевтически нагружены, как и объекты гуманитарного знания.

Методология, утверждающая «реализм» фактов самоочевидного опыта восприятия, по существу, заявляет о беспредпосылочности научной теории, осмысленной вне «означающего» на основе ложной презумпции, что факты «го-

ворят» сами за себя непосредственным образом, ожидая своего открытия. Напротив, суждение о фактах конституируется как система описаний, основанных на подсистеме запретов, норм, требований, предполагающих определенную систему ценностного выбора. Для того чтобы увидеть факты, подтверждающие денотаты теоретического языка, необходим культурно-мировоззренческий оплот понимания, в контексте которого факты воспринимаются неоднозначно.

В разделе 5.5.2 «Ценностные суждения в научной теории» анализируется когнитивно-аксиологическая структура теории. Теорией предписывается положение, чтобы описываемый «естественный» ход процессов и событий совпадал в известных пределах с реальным ходом исследуемого процесса, чтобы ценностное «должен» не отрывалось от истинного описания со связкой «есть». Описывая объект с помощью некоторой теории, субъект конструирует идеальную модель реальности, которая является некоторым стандартом, правилом «должного» развития объясняемого процесса. Автор доказывает, что в семиотическом отношении теория описывает не объект «сам по себе», а динамику идеальных «конструктов», которым приписывается эпистемологическое значение. Действительный гносеологический статус данных онтологизаций становится ясным в ситуации коренной трансформации ценностно-смысловых оснований теории. Отмечая значимость конструктивного подхода в понимании научной теории, автор указывает на ограниченность радикального феноменологического конструкционизма, предполагающего возможность теоретического описания, в основе объяснения которого лежат лишь социальные референции языка, отсылающие к системе описаний социальных отношений (Р. Харре).

В разделе 5.5.3 «Ценности и всеобщность научного закона» на примере частного физического закона (известного как закон Ома) сделано методологическое заключение: научные законы представляют противоречивое единство познавательного и ценностного компонента знания. В ситуации, когда закон входит в метафизические и методологические основания теории, он сам становится стандартом оценки других теорий. Научные законы не только объясняют реальность посредством верификации фактов, но и являются мерилami оценки некоторой теории, характеризуя предписывающее «понимание» явлений как должное развитие событий. В таком качестве закон определяет не только то, что «есть», но и то, что «должно быть» в объясняемой реальности. В ситуации, когда объясняющий момент абсолютизируется, закон и лежащая в его основании теория, по существу, онтологизируются, становятся не средством описания, а однозначной копией означаемого – реальность «самой по себе» в единственно верной модели ее репрезентации. В противоположной ситуации, когда абсолютизируется предписательный (аксиологический) характер научного закона и теории, они становятся всего лишь прагматическим инструментальным средством научного описания, в структуре которого объективное содержание знания отрицается.

В разделе 5.5.4 «Ценности и методологические принципы науки» продолжено исследование вопроса, затрагивающего ценностные компоненты методологии научного познания. Определяя стратегию теоретического исследования, методологические принципы одновременно *описывают* и *предписывают*, чтобы в

конечном итоге повысить обоснованность и достоверность получаемого знания. Абсолютизация какой-то одной из сторон этой описательно-предписательной целостности методологии приводит к тому, что принципы и методы научного исследования трактуются гносеологически односторонне. В том случае, когда им дается сугубо объективистская интерпретация, принципы научной методологии отождествляются с универсальными критериями научности.

Противоположная стратегия, предполагающая отказ от универсальных критериев научной рациональности в абсолютистской крайности, размывает критерии научности в социально-культурных детерминациях: методологические принципы становятся конвенциями научных сообществ. Оппозиция «универсализма – релятивизма» в понимании критериев научности носит принципиальный характер для понимания природы научного знания. Она вновь напоминает о себе как проблема рациональности науки, если методологическое и ценностное измерение познавательной деятельности абсолютизируется или отрыцается друг от друга.

Параграф 5.6 «Истина versus ценности» посвящен классической философской проблеме соотношения истины и ценности. Длительное время наука ориентировалась на «чистую» истину, элиминация ценностей в структуре знания рассматривалась в качестве важнейшей установки научного мышления.

В разделе 5.6.1 «Ограниченность классического понимания принципа объективности знания» исследуется традиционная трактовка принципа объективности, в котором знание мыслилось как независимое от человека и человечества. Объективистские установки классической науки выносили ценности за пределы методологической рефлексии. Однако такая позиция классической теории познания является иллюзорной. Представители аналитической философии (Дж.Э. Мур, Г. Райл, П. Стросон) предложили в качестве основного подхода к решению проблем теории познания лингвистический поворот, в котором «истина становится свойством предложений» (Р. Рорти). В корреспондентной концепции истины как соответствии мысли реальности и единственной достоверной референции аналитическая философия необходимо шла к отказу от классического понятия истины. В контексте философских дискуссий о концепте истины в работе обосновывается, что эпистемологическая экспликация принципа объективности не может быть полноценной в отвлечении от прагматических оснований научного познания, аксиологической размерности научного исследования. В концептуальный аппарат теории референции как истинного суждения должны быть введены понятия мировоззренческой установки субъекта, аксиологической интенции научного познания, коммуникативной организации научного дискурса.

Данный тезис конкретизируется в разделе 5.6.2 «Эпистемологическое значение ценностей в процессе производства нового знания». Семантическая концепция истины, выработанная А. Тарским, С. Крипке, К. Донелланом, Д. Дэвидсоном и другими философами не затрагивает мировоззренческие основания значения, ориентирует на «нейтральность» логики, индифферентной к аксиологическому отношению субъекта. Однако свободных от ценностей научных высказываний не существует. Любое научное суждение о фактах, теории,

методе содержит неявную деонтическую составляющую. Аксиологический поворот в методологическом самосознании современной науки предполагает культуру рефлексии ценностно-смысловых оснований научного исследования, направленную на проблематизацию аксиологических предпосылок научного познания.

Экспликация данных предпосылок традиционно относились к методологии гуманитарных наук, однако обращение постнеклассической науки к междисциплинарным объектам, затрагивающим сущность и существование человека, предполагает не элиминацию ценностных установок субъекта, а развернутую их критическую рефлексию. С учетом этого теория познания нуждается в понятиях не только адекватного соответствия содержания знания реальности, но и в аксиологических терминах, которые в современной эпистемологии обретают не только традиционно герменевтический, но и эпистемологический статус. Такая программа ведет не к размыванию предмета эпистемологии за счет герменевтической проблематики, а способствует более глубокому философскому исследованию когнитивного процесса, усложняя понимание механизмов производства знания, не отрицая его объективный предметный характер.

В разделе 5.6.3 «Этическое измерение истины» доказывается, что утверждение принципа объективности знания в современном понимании становится адекватным, когда в методологической рефлексии знания в эксплицитной (явной) форме принимается в расчет ценностно-смысловая размерность научного познания, в котором образ истины обретает человеческое, экзистенциальное измерение. При этом, речь идет не об отказе от принципа объективности, а о новом смысловом наполнении этого фундаментального принципа теоретического мышления. С учетом данного подхода в методологической рефлексии научного исследования должна явно и отчетливо учитываться аксиологическая составляющая научного мышления. Через предметность, затрагивающую сущность человека, постнеклассическая наука подходит к новому измерению объективного знания, в котором адекватным становится аксиологическое отношение к миру как условию человеческого существования.

Глава 6 «СОЦИАЛЬНО-ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ» посвящена тематизации мировоззренческого образа науки в современной культуре. Европейская культурная традиция немыслима без науки, поэтому вопрос о ценностно-смысловых основаниях научного познания как вопрос о предпосылках научной рациональности выливается в проблематизацию оснований европейской культуры.

В параграфе 6.1 «Критика сциентистской мифологии инструментального разума» анализируются различные версии антисциентистских программ оценки науки в культуре современного общества. В философском проекте эпохи Просвещения оптимистичный образ науки предполагал решить в потенции все проблемы человеческого общества, способствуя моральному прогрессу личности. Однако такой образ оказался идеальным, а в контексте реалий XX в. он сменился скептическим разочарованием в возможностях научного разума. Как предмет философской рефлексии и самосознания культуры XX в. критика науки получила выражение в феноменологии, экзистенциализме, идеях

франкфуртской школы, философии постмодернизма. Автор показывает, что критика «чистого разума» эпохи модерна является способом осмысления предпосылок кризиса современной культуры, истоки которого находятся внутри метафизических оснований культуры. Говорить о виновности науки в отчуждении человека, экологических и антропологических кризисах современного общества – значит неверно интерпретировать проблему ответственности субъекта.

Данное положение конкретизируется в параграфе 6.2. «Гуманитарный дискурс современной науки», где исследуются проблемы, затрагивающие человеческую, экзистенциальную и этическую «размерность» научного познания. Классическая эпистемология традиционно оценивала понятие ответственности как иррациональное для методологии науки, что на практике вело к крайностям сциентистской идеологии и «невосприимчивости» к нравственным аспектам научного сознания. В разделе показано, что постнеклассическая рациональность отходит от презумпций «нейтрального» научного разума. Познание сущего как специфическое проявление свободы человеческого освоения мира предполагает ответственность субъекта за перспективы существования в «онаученном» мире. Автор доказывает, что категория ответственности перестает быть иррациональной для науки о природе, приобретает эпистемологический статус.

В поисках истины ученый берет на себя определенный риск, что предполагает социальную ответственность за результат научного исследования. Субъект, трактуемый в классической парадигме как источник препятствий на пути к истине, становится предпосылкой объективного знания, совершает выбор, этически значимый поступок, который имеет экзистенциальное измерение. В постмодернистской социокультурной ситуации экологического и антропогенного кризиса тезис об этически «нейтральной» науке становится неприемлемым. В новых реалиях сфера научного познания не устраняется из круга этической проблематики, а утверждается в роли активной ценности, тем самым, гуманитаризация научного знания становится методологически значимой и необходимой.

Методологические проблемы истины обретают человеческое измерение, становятся соразмерной вопросам человеческого выживания. В таких обстоятельствах научная рациональность должна утверждаться не только в способности мыслить всеобщее, но и с позиций ценностей человеческого существования. Включение в качестве предмета исследования «человекоразмерных» систем нелинейного типа по-новому ставит проблему соотношения истины и ценностей. Развитие научно-технического прогресса XX в. убедительно показало, что ценностно-нейтральная сциентистская установка знания способна обслужить антигуманные корпоративные интересы, потенциально опасные для существования человечества. Междисциплинарный и комплексный характер проблем постнеклассической науки предполагают явную экспликацию взаимосвязи внутренних (методологических) и внешних (социальных) ценностей науки.

Вместо однобокой схемы соответствия мысли и реальности в терминах корреспондентной теории истины постнеклассическая рациональность ориентирует на двойную схему соотнесения знания, то есть не только по отношению к объекту, но и к ценностям человеческого существования. В рамках такой пер-

спективы ценностно-смысловые основания знания не только не противостоят объективному его содержанию, а, напротив, являются условием его достоверности. Интенция на истину в современной науке должна быть дополнена ценностями человеческого выживания, за рамками которого объективистские описания становятся нерелевантными. В таком измерении постнеклассическая рациональность постулирует новый тип отношения к миру, в контексте которого научное познание обретает гуманистическое содержание, что качественно отличает ее от предшествующих исторических типов.

В **Заключении** подводятся итоги диссертационного исследования, намечаются перспективы дальнейшего анализа поставленной проблемы.

Основные результаты диссертации отражены в публикациях автора:

I. Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ

1. Яковлев В.Ю. Философия всеединства П.А. Флоренского в контексте оснований современной науки [Текст] / В.Ю. Яковлев // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия культурология. Энтелехия. – Кострома: Изд-во КГУ, 2005. – № 10 (86). – С. 66–72. (0.9 п. л.).
2. Яковлев В.Ю. Культурно-мировоззренческая рефлексия научного познания [Текст] / В.Ю. Яковлев // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – Кострома: Изд-во КГУ, 2006. – Т. 12. – № 3. – С. 184–188. (0.7 п. л.).
3. Яковлев В.Ю. Миpовоззренческие основания современного научного знания [Текст] / В.Ю. Яковлев // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – Кострома: Изд-во КГУ, 2006. – Т. 12. – № 4. – С. 183–187. (0.7 п. л.).
4. Яковлев В.Ю. Генезис проблемы рациональности науки как феномена социального бытия человека [Текст] / В.Ю. Яковлев // Вестник Московского государственного областного университета. Серия философские науки. – М.: Изд-во МГОУ, 2008. – № 3. – С. 33–39. (0.7 п. л.).
5. Яковлев В.Ю. Место и роль культурно-философской рефлексии научного познания в эпистемологии [Текст] / В.Ю. Яковлев // Ученые записки Российского государственного социального университета. – М.: Изд-во РГСУ, 2008. – № 3. – С. 67–74. (0.7 п. л.).
6. Яковлев В.Ю. Нарративный метод научного познания [Текст] / В.Ю. Яковлев // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – СПб.: Изд-во РГПУ, 2008. – № 11 (71). – С. 28–35. (0.8 п. л.).
7. Яковлев В.Ю. Проблема культурно-мировоззренческой детерминации знания в философии науки [Текст] / В.Ю. Яковлев // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – СПб.: Изд-во РГПУ, 2008. – № 12 (84). – С. 29–36. (0.7 п. л.).

8. Яковлев В.Ю. Статус мировоззрения в системе культуры [Текст] / В.Ю. Яковлев // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия социально-экономические науки и искусство. – Волгоград: Изд-во ВГПУ, 2008. – № 3 (27). – С. 30–35. (0.7 п. л.).
9. Яковлев В.Ю. Гуманитарное измерение научной рациональности [Текст] / В.Ю. Яковлев // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 2009. – № 2. – С. 305–311. (0.7 п. л.).
10. Яковлев В.Ю. Принцип объективности и ценности научного познания [Текст] / В.Ю. Яковлев // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – СПб.: Изд-во РГПУ, 2009. – № 87. – С.49–59. (0.9 п. л.).

II. Монографии

11. Яковлев В.Ю. Культура. Мировоззрение. Наука. (Проблема оснований научного познания): монография [Текст] / В.Ю. Яковлев. – Кострома: Изд-во КГТУ, 2006. – 159 с. (10 п. л.).
12. Яковлев В.Ю. Ценностно-смысловые основания научного познания: монография [Текст] / В.Ю. Яковлев. – Кострома: Изд-во КГТУ, 2008. – 182 с. (11,4 п. л.).

III. Другие публикации, отражающие содержание диссертации

13. Яковлев В.Ю. Взаимосвязь мировоззрения и науки как социокультурная проблема [Текст] / В.Ю. Яковлев // Тезисы докладов областной конференции молодых ученых по общественно-политическим и научно-техническим наукам. – Иваново: Изд-во Ив.ГУ, – 1985. – С. 38. (0.1 п. л.).
14. Яковлев В.Ю. Методологический анализ мировоззрения в системе общественного сознания и культуры [Текст] / В.Ю. Яковлев // Сознание и диалектика познания: сб. науч. тр. / отв. ред. Г.Н. Гумницкий. – Иваново: Изд-во Ив.ГУ, – 1986. – С. 69–76. (0.5 п. л.).
15. Яковлев В.Ю. Методологический анализ науки в системе культуры [Текст] / В.Ю. Яковлев; Костр. технол. институт. – Кострома, 1986. – 35 с. – Деп. ИНИОН АН СССР. – 01.07.1986. – № 25707. (2.1 п. л.).
16. Яковлев В.Ю. Наука как элемент системы культуры [Текст] / В.Ю. Яковлев // Актуальные философские проблемы современной науки и техники: материалы научно-практич. конф. – Ярославль: Изд-во Яр.ГУ, 1986. – С. 3–4. (0.2 п. л.).
17. Яковлев В.Ю. Соотношение методологического и мировоззренческого анализа науки [Текст] / В.Ю. Яковлев // Тезисы докладов областной конференции молодых ученых по общественно-политическим и научно-техническим проблемам. – Иваново: Изд-во Ив.ГУ, – 1986. – Ч. 1. – С. 26. (0.1 п. л.).

18. Яковлев В.Ю. Понятие «культура» и его методологическое значение [Текст] / В.Ю. Яковлев; Костр. технол. ин-т. – Кострома, 1989. – 36 с. – Деп. в ИНИОН АН СССР. – 20.06.1989. – № 38451. (1.2 п. л.).
19. Яковлев В.Ю. Методологическое значение понятия культура [Текст] / В.Ю. Яковлев // В поисках истины (Философская мысль и проблемы наших дней): сб. науч. тр. Костромского отделения филос. общества / отв. ред. Л.Б. Шульц. – Кострома: Изд-во КСХА, 1990. – С. 56–59. (0.4 п. л.).
20. Яковлев В.Ю. Основные проблемы теории познания [Текст] // Философия: методическое пособие / В.Ю. Яковлев, Э.Г. Копенкин [и др.]. – Кострома: Изд-во КГТУ, 1991. – С. 29–31. (в соавторстве) (0.2/1 п. л.).
21. Яковлев В.Ю. Проблема сознания в философии: методическое пособие [Текст] / В.Ю. Яковлев. – Кострома: Изд-во КГТУ, 1991. – 12 с. (0.9 п. л.).
22. Яковлев В.Ю. Социальная стратификация и мобильность: методическое пособие [Текст] / В.Ю. Яковлев. – Кострома: Изд-во КГТУ, 1997. – 12 с. (0.9 п. л.).
23. Яковлев В.Ю. Проблемы социологии культуры советского общества в годы Великой Отечественной войны [Текст] / В.Ю. Яковлев // Национальная культура и защита Отечества: сб. докладов научной конф. / отв. ред. В.Н. Маин. – Кострома: Изд-во КГУ, 1998. – Ч. 2. – С. 50–53. (0.4 п. л.).
24. Яковлев В.Ю. Социальная организация и управление: методическое пособие [Текст] / В.Ю. Яковлев. – Кострома: Изд-во КГТУ, 1998. – 17 с. (1 п. л.).
25. Яковлев В.Ю. Стратификация общества как гуманистическая проблема методики преподавания социологии [Текст] / В.Ю. Яковлев // Совершенствование методики преподавания в высшей школе в условиях реформирования системы образования. – Кострома: Изд-во КГТУ, 1998. – С. 19–20. (0.1 п. л.).
26. Яковлев В.Ю. Мировоззренческие основания знания как фактор гуманитарной подготовки специалистов [Текст] / В.Ю. Яковлев // Особенности подготовки в техническом вузе: тезисы докл. междунауч. научно-методич. конф. – Кострома: Изд-во КГТУ, 1999. – С. 4–5. (0.1 п. л.).
27. Яковлев В.Ю. Рациональность и культура: к вопросу о восприятии запада в русской общественной мысли [Текст] / В.Ю. Яковлев // Русь, Россия и мировая цивилизация: материалы XIII всерос. науч. конф. / отв. науч. ред. С.Н. Полторак. – СПб.: Нестор, 1999. – С. 46–48. (0.4 п. л.).
28. Яковлев В.Ю. Образ науки в культуре XX века: социальный и внутринаучный аспект функционирования [Текст] / В.Ю. Яковлев // Актуальные проблемы мировой культуры XX столетия: сб. материалов межвуз. науч. конф. – Кострома: Изд-во КГТУ, 1999. – С. 9–14. (0.5 п. л.).
29. Яковлев В.Ю. Менталитет россиянина как специфическая реальность и проблема реформирования российского общества [Текст] / В.Ю. Яковлев // Менталитет россиянина: история проблемы: материалы 17 всероссийс. науч. конф. / науч. ред. С.Н. Полторак. – СПб.: Нестор, 2000. – С. 141–143. (0.3 п. л.).

30. Яковлев В.Ю. Гуманистические и социальные функции массовой культуры [Текст] / В.Ю. Яковлев // Актуальные проблемы мировой культуры: сб. ст. / под. ред. Т.Н. Елшиной. – Кострома: Изд-во КГТУ, 2001. – С. 66–74. (0.6 п. л.).
31. Яковлев В.Ю. Мироззрение и наука как объекты культурологического анализа [Текст] / В.Ю. Яковлев // Вестник Костромского государственного технологического университета. – Кострома: Изд-во КГТУ, 2001. – № 4. – С. 32–34. (0.5 п. л.).
32. Яковлев В.Ю. Тестирование в курсе социологии [Текст] / В.Ю. Яковлев // Проблемы повышения эффективности подготовки специалистов в техническом вузе: тезисы докл. междунар. научно-метод. конф. – Кострома: Изд-во КГТУ, 2001. – С. 14–15. (0.1 п. л.).
33. Яковлев В.Ю. «Внутренние» и «внешние» факторы развития науки [Текст] / В.Ю. Яковлев // Актуальные проблемы переработки льна в современных условиях: материалы междунар. научно-технич. конф. «Лен – 2002». – Кострома: Изд-во КГТУ, 2002. – С. 254. (0.1 п. л.).
34. Яковлев В.Ю. Понимание в структуре научного знания [Текст] / В.Ю. Яковлев // Человек и культура в культурно-историческом пространстве России: опыт региональных и краеведческих исследований: материалы междунар. науч. конф. 22–24 мая 2002 г. – Кострома: Изд-во КГТУ, 2002. – С. 150–152. (0.4 п. л.).
35. Яковлев В.Ю. Проблема мировоззренческих оснований научного познания в западной философии науки [Текст] / В.Ю. Яковлев // Вестник Костромского государственного технологического университета. – Кострома: Изд-во КГТУ, 2002. – № 6. – С. 5–6. (0.4 п. л.).
36. Яковлев В.Ю. Социология культуры: методическое пособие [Текст] / В.Ю. Яковлев. – Кострома: Изд-во КГТУ, 2002. – 16 с. (1 п. л.).
37. Яковлев В.Ю. Мироззренческие установки античной науки [Текст] / В.Ю. Яковлев // Вестник Костромского государственного технологического университета. – Кострома: Изд-во КГТУ, 2003. – № 8. – С. 115–118. (0.6 п. л.).
38. Яковлев В.Ю. Мультимедиа как средство социологической подготовки студентов [Текст] / В.Ю. Яковлев // Проблема повышения эффективности подготовки специалистов в технологическом вузе: сб. докладов междунар. научно-методич. конф. – Кострома: Изд-во КГТУ, 2003. – С. 14–15. (0.1 п. л.).
39. Яковлев В.Ю. Специфика социологического знания [Текст] / В.Ю. Яковлев, В.А. Музалевский // Студенты и молодые ученые КГТУ – производству: материалы юбилейной 55-й межвуз. научно-технич. конф. – Кострома: Изд-во КГТУ, 2003. – № 4. – С. 11–13. (в соавторстве) (0.1/0.2 п. л.).
40. Яковлев В.Ю. Социология права в системе социологии и юриспруденции [Текст] / В.Ю. Яковлев // Актуальные проблемы переработки льна в современных условиях (Лен – 2004): сб. тр. междунар. научно-технич. конф. – Кострома: Изд-во КГТУ, 2004. – С. 261–262. (0.1 п. л.).

41. Яковлев В.Ю. Картина мира в отражении средневековой науки [Текст] / В.Ю. Яковлев // Вестник Костромского государственного технологического университета. – Кострома: Изд-во КГТУ, 2005. – № 12. – С. 16–18. (0.4 п. л.).
42. Яковлев В.Ю. Социальный контроль и девиантное поведение: методическое пособие [Текст] / В.Ю. Яковлев. – Кострома: Изд-во КГТУ, 2005. – 15 с. (1 п. л.).
43. Яковлев В.Ю. Социальные функции культуры [Текст] / В.Ю. Яковлев // Современные наукоемкие инновационные технологии развития промышленности региона «Лен – 2006»: сб. тр. междунар. научно-технич. конф., посвящ. 75-летию университета. – Кострома: Изд-во КГТУ, 2006. – С. 244–245. (0.1 п. л.).
44. Яковлев В.Ю. Мировоззренческие предпосылки научного мышления в культуре Возрождения [Текст] / В.Ю. Яковлев // Вестник Костромского государственного технологического университета. – Кострома: Изд-во КГТУ, 2007. – № 16. – С. 16–19. (0.5 п. л.).
45. Яковлев В.Ю. «Наука логики» и логика культуры (Г. Гегель и Э.В. Ильенков) [Текст] / В.Ю. Яковлев // Ильенков и Гегель: материалы междунар. науч. конф. 26–27 апреля 2007 г. – Ростов-н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ АПСН, 2007. – С. 96–97. (0.3 п. л.).
46. Яковлев В.Ю. Основания научного познания как феномен культуры [Текст] / В.Ю. Яковлев // Развитие профессионального инженерного образования: от текстильного института к инновационному университету: материалы V Междунар. научно-методич. конф. – Кострома: Изд-во КГТУ, 2007. – С. 37. (0.1 п. л.).
47. Яковлев В.Ю. Понимание как метод гуманитарного знания [Текст] / В.Ю. Яковлев // Актуальные проблемы гуманитарных наук: сб. ст. VI междунар. научно-практич. конф. – М: Изд-во Московской финансово-юридич. академии, 2007. – С. 454–457. (0.4 п. л.).
48. Яковлев В.Ю. Предмет социологии права [Текст] / В.Ю. Яковлев // Формирование профессиональных качеств современного специалиста в техническом университете: тезисы докл. IV междунар. научно-методич. конф. – Кострома: Изд-во КГТУ, 2007. – С. 25–26. (0.2 п. л.).
49. Яковлев В.Ю. Проблема культурно-мировоззренческих оснований науки [Текст] / В.Ю. Яковлев // Дни науки философского факультета Киевского университета – 2007: материалы докл. и выступ. междунар. науч. конф. 18–19 мая 2007 г. – Киев: Изд-во Киевский университет, 2007. – Ч. IV. – С. 130–131. (0.2 п. л.).
50. Яковлев В.Ю. Проблема понимания в герменевтике и методологии гуманитарного знания [Текст] / В.Ю. Яковлев // Актуальные проблемы современных социально-гуманитарных наук: материалы всерос. научно-практ. конф. / сост. С.К. Булдаков. – Кострома: Изд-во КГУ, 2007. – С. 109–118. (0.6 п. л.).
51. Яковлев В.Ю. Философия Мамардашвили в контексте оснований неклассической рациональности [Текст] / В.Ю. Яковлев // Мераб Мамардашви-

- ли и классическое философское наследие. Традиции и инновации: научное издание / под общ. ред. А.И. Казанкова, А.А. Каменских. – Пермь: Изд-во ПГТУ, 2007. – С. 139–144. (0.4 п. л.).
52. Яковлев В.Ю. Гуманитарный статус современной научной рациональности [Текст] / В.Ю. Яковлев // Вестник Костромского государственного технологического университета. – Кострома: Изд-во КГТУ, 2008. – № 19. – С. 15–17. (0.4 п. л.).
53. Яковлев В.Ю. Мировоззренческие основания синергетики в современной научной рациональности [Текст] / В.Ю. Яковлев // Общечеловеческое и национальное в философии: материалы выступлений V междунаучно-практич. конф. КРСУ (24–25 мая 2007 г.) / под общ. ред. И.И. Ивановой. – Бишкек: Premier LTD, 2008. – (0.5 п. л.).

Подписано в печать 06.10.2009 г.

Формат 60×84 ¹/₁₆.

Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 2,9.

Тираж 100 экз.

Заказ № 1259.

Издательство Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26

Издательский центр Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Ленина, 111, т. (8332) 673-674